2015

ПЦ ВЯСНА праваабарончы цэнтр

[ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МОНИТОРИНГА МЕСТ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ]

Оглавление

ОБЩИЕ ДАННЫЕ О ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

В 2015 году в Беларуси закончился период ежегодного снижения количества правонарушений: по данным Министерства внутренних дел, в январе-сентябре 2015 г. в республике зарегистрировано 72,7 тыс. преступлений, или 103,8% к уровню января-сентября 2014 г. За этот же период в 2015 г. зарегистрировано 9 480 особо тяжких и тяжких преступлений, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 13% (в январе-сентябре 2014 г. – 8 114 преступлений, или 11,6%).

На 100 000 человек населения в январе-сентябре 2015 г. в республике зарегистрировано 768 преступлений (в январе-сентябре 2014 г. – 740 преступлений).

Число фактов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ с целью сбыта в январе-сентябре 2015 г. по сравнению с январем-сентябрем 2014 г. увеличилось на 21,3%.

К началу 2015 года остановился процесс сокращения количества заключенных в Беларуси. Даже без учета растущего количества заключенных ЛТП, этот показатель, хоть и незначительно, вырос с начала 2014 года.

По данным Национального статистического комитета, в Беларуси на конец 2014 года был 29776 заключенных.

Однако, как упомянуто, в число заключенных по официальной статистике не вошли те, кто отбывал наказание в виде ограничения свободы, ареста; был изолирован в ЛТП, осужден к административному аресту, а также принудительно лечился по приговору или решению суда. К числу заключенных официальная статистика не относит несовершеннолетних, которые содержатся в специальных учебно- и лечебно-воспитательных школах закрытого типа.

Из всего числа заключенных в исправительных колониях для взрослых содержались 22859 человек (из них 2185 – женщины), в воспитательных колониях для несовершеннолетних 170 человек (в соответствии с законом, в воспитательных колониях для несовершеннолетних могут продолжать отбывать срок заключенные в возрасте до 21 года), из них 83 несовершеннолетних. Еще 118 несовершеннолетних содержались в следственных изоляторах.

Показатели по количеству женщин и несовершеннолетних в местах заключения выросли, соответственно, на 12 и 23 процентов.

В тюрьмах содержатся 589 заключенных, в следственных изоляторах 6158 человек. Количество заключенных в следственных изоляторах за 2012-2014 годы выросло на 20 процентов. За этот же период выросло на 20 процентов количество приговоров к лишению свободы.

Данных о количестве заключенных арестных домов нет. Всего к аресту судами за первое полугодие 2015 года приговорены 3440 человек, за 2014 года 7312 человек.

Данных о количестве заключенных в ИУОТ нет. Всего в 2014 году осуждено к ограничению свободы с направлением в исправительные учреждения открытого типа 2543 человека, за 6 месяцев 2015 года 1 717 человек.

Административный арест за 2014 год назначен 35674 лицам, а за 6 месяцев 2015 года – 20303 лицам.

На фоне полуторакратного снижения количества заключенных с 2007 года остается почти неизменным (с увеличением за последний год) количество осужденных к лишению свободы 3 и более раза, что свидетельствует об относительном росте рецидивной преступности.

В ходе реализации амнистии в 2015 году освобождены от наказания в виде лишения свободы 1 834 человека, сокращен срок наказания на 1 год – 2 150 осужденным.

Из исправительных учреждений открытого типа освобождены от наказания в виде ограничения свободы 685 человек, сокращен срок на один год – 691 осужденному.

Среди амнистированных лиц в местах лишения свободы: 66 несовершеннолетних; 1 беременная женщина; 24 женщин и одиноких мужчин, имеющих детей в возрасте до восемнадцати лет; 13 мужчин старше шестидесяти лет и женщин старше пятидесяти пяти лет; 25 инвалидов I или II группы; лиц, больных активной формой туберкулеза и отнесенных к I, II, V «А», V «Б» группам диспансерного учета; лиц, больных онкологическими заболеваниями второй, третьей, четвертой клинических групп; ВИЧ-инфицированных с 3-й или 4-й стадиями заболевания по клинической классификации Всемирной организации здравоохранения; 1 ветеран боевых действий на территории других государств; 30 граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий.

Предыдущая амнистия прошла в 2014 году.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

После реализации норм Указа Президента Республики Беларусь от 28.05.2014 № 242 «О совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел» в Беларуси осталось 15 исправительных колоний, 1 воспитательная колония для несовершеннолетних и 3 исправительных колоний-поселений, 6 следственных изоляторов и 3 тюрьмы, 29 исправительных учреждений открытого типа. Также в составе Департамента действует 9 ЛТП.

В структуре департамента исполнений наказаний осуществляют хозяйственную деятельность двенадцать унитарных предприятий на базе исправительных колоний (Республиканское производственное унитарное предприятие «№ 4», Республиканское производственное унитарное предприятие «ИК 8 – Поиск», Республиканское производственное унитарное предприятие «Семнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «Исправительная колония № 2 г. Бобруйска»,

Республиканское унитарное производственное предприятие «Исправительное учреждение № 5», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 9», Республиканское унитарное производственное предприятие «Одиннадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 12 – ВАЛ», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 13 – Березвечье», Республиканское унитарное производственное предприятие «Четырнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «Пятнадцать», Республиканское унитарное производственное предприятие «ИК 20»), два предприятия на базе ЛТП (Республиканское производственное унитарное предприятие «ЛТП-1», Республиканское производственное унитарное предприятие «Единица») . Кроме того, хозяйственную деятельность от собственного имени осуществляют остальные семь ЛТП.

К выполнению оплачиваемых работ привлекается по данным на начало 2015 год 69,1 процент заключенных в местах лишения свободы.

С диагнозом наркомания в местах лишения свободы содержится 1494 заключенных, больных туберкулезом – 518 человек.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОДЕРЖАНИЕМ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ (ОНК)

На сайте Министерства юстиции содержится информация о посещении членами восьми ОНК за 2015 год трех учреждений ДИН МВД: «24 ноября 2015 года представители Республиканской общественной наблюдательной комиссии при Министерстве юстиции Республики Беларусь и Минской городской общественной наблюдательной комиссии при главном управлении юстиции Минского горисполкома посетили ИУОТ № 36 и ИУОТ № 51 УДИН МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области, расположенные по адресу: г. Минск, ул. Короткевича, 14.

Общественные наблюдательные комиссии в ходе посещения вышеназванных исправительных учреждений ознакомились с условиями быта осужденных, организацией их досуга, трудоустройства, а также провели профилактические беседы с осужденными. По итогам посещения данных учреждений общественные наблюдательные комиссии пришли к выводу, что условия отбывания наказания осужденными отвечают всем требованиям, предъявляемым к системе исполнения наказания.

4 ноября 2015 года представители Республиканской общественной наблюдательной комиссии при Министерстве юстиции Республики Беларусь и Минской городской общественной наблюдательной комиссии при главном управлении юстиции Минского горисполкома посетили Исправительную колонию №11 (г. Волковыск) УДИН МВД по Гродненской области в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности.

Члены комиссий посетили помещения ИК № 11, производственные цеха, библиотеку, кухню и другие объекты, размещенные на территории ИК № 11. При ознакомлении с работой учреждения состоялись беседы с осужденными. Жалоб и нареканий на работу администрации ИК № 11 и условия отбывания наказания не поступило».

В 2015 году там же была опубликована информация о работе общественных наблюдательных комиссий, осуществляющих контроль за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности в 2014 году.

Всего за 2014 год представители общественных наблюдательных комиссий при главных управлениях юстиций областных и Минском городском исполнительных комитетах, а также Республиканской общественной наблюдательной комиссии при Министерстве юстиции Республики Беларусь (всего восемь комиссий) посетили 7 учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности. За 2013 год эти же комиссии посетили 8 мест лишения и ограничения свободы

«При ознакомлении с работой учреждений состоялись беседы с осужденными, со стороны которых жалоб и нареканий на работу администраций мест лишения свободы или условия отбывания наказания, не поступало», - отметили члены комиссий.

Однако смущает как методика проведения проверок условий содержания заключенных и точность предоставляемой по итогам посещений информации: например, в 2013 году

представители Республиканской общественной наблюдательной комиссии при Министерстве юстиции Республики Беларусь посетили исправительное учреждение Тюрьма № 8, которое находится в г. Жодино Минской области. «В учреждении отбывают наказания лица, осужденные за убийство, вымогательство, а также содержатся женщины, находящиеся под следствием», полагают члены комиссий. «В момент посещения больницы, там находилось 30 осужденных с различными стадиями туберкулеза. Всего в тюрьме находится более 60 человек».

На данный момент нет ни одной правозащитной организации, которой было бы разрешено посещение мест лишения свободы и иных учреждений МВД, где содержатся заключенные. В связи с этим в середине 2015 года юрист ПЦ «Весна» Павел Сапелко направил обращение в ДИН и МВД с просьбой посетить места лишения свободы, находящиеся в ведении МВД. В обращении отмечалось:

«Эффективный гражданский контроль за деятельностью пенитенциарной системы государства является залогом прогресса в области соблюдения прав человека в указанной сфере. В настоящее время в Беларуси те негосударственные институты, которые по закону наделены правом осуществлять контроль за соблюдением прав заключенных, осуществляют свою деятельность сугубо формально: например, за 2014 год представители общественных наблюдательных комиссий при главных управлениях юстиций областных и Минском городском исполнительных комитетах, а также Республиканской общественной наблюдательной комиссии при Министерстве юстиции Республики Беларусь (всего 8 комиссий) посетили 7 учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности.

В качестве достижения Беларуси в рамках реализации Межведомственного плана на 2010 – 2014 годы по выполнению рекомендаций, одобренных Беларусью по итогам первого цикла Универсального периодического обзора - механизм обзора информации по правам человека в государствах-членах ООН, Министерство иностранных дел упомянуло допуск в места лишения свободы сотрудников частного культурно-просветительского учреждения «Платформ инновейшн», которое, к сожалению, в настоящее время ликвидировано.

Приветствуя неформальный подход при принятии такого решения, полагаю возможным также просить разрешения на посещение учреждений Департамента исполнения наказаний – тюрем, следственных изоляторов, колоний, лечебно-трудовых профилакториев, а также не находящихся в ведении ДИН мест принудительного содержания – изоляторов временного содержания, Центра изоляции правонарушителей, детских приемников-распределителей для себя.

В течение последних четырех лет я принимаю участие в проведении исследования положения различных категорий лиц, содержащихся в местах несвободы: учреждениях ДИН МВД, МВД, Министерства здравоохранения и Министерства образования.

Эти исследования широко используются для оценки ситуации в местах лишения свободы в Беларуси, популяризируют подход к правам заключенных с точки зрения соблюдения Конституции Республики Беларусь, а также международных обязательств Беларуси. Также мною систематически оказывалась помощь жертвам жестокого обращения в местах лишения свободы в части обжалования постановлений органов, ведущих уголовный процесс, и судов; составлялись жалобы для бывших заключенных мест лишения свободы

и мест содержание административно-задержанных и административно-арестованных. Мною критиковались недостатки законодательства, определяющего положение заключенных и практика нарушения установленных пенитенциарных правил сотрудниками мест лишения свободы, а также существование системы лечебно-трудовых профилакториев. В качестве эксперта я регулярно привлекался средствами массовой информации к участию в обсуждении пенитенциарных проблем. Принимал участие в международных миссиях по исследованию прав заключенных.

Я являюсь юристом, закончил юридический факультет Белорусского государственного университета по специальности «Правоведение»; повышал квалификацию в УО "Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ", освоил курс "Имплементация де-факто международных обязательств Республики Беларусь в области гражданских прав и свобод" программы "Международное право для защиты общественных интересов".

Длительное время работал в качестве адвоката; являюсь лауреатом премии Совета адвокатских объединений и юридических обществ Европы "За защиту прав человека", которая вручается юристам или юридическим организациям, которые «прославляют юридическую профессию, благодаря соблюдению высочайших ценностей профессионального и личностного поведения в области прав человека»».

В ходе посещений предполагалось провести «анонимное анкетирование содержащихся в учреждении лиц об условиях содержания и обращения со стороны персонала учреждений, замер жилых помещений и помещений изоляторов, выборочные беседы в присутствии персонала с заключенными». Полученные сведения предполагалось использовать при анализе положения с местами принудительного содержания; по результатам анализа представительным и исполнительным органам власти, в том числе, МВД, планировалось представить рекомендации по совершенствованию положения в свете соблюдения прав человека.

В соответствии с частью 2 ст.22 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, представители средств массовой информации и иные лица имеют право посещать учреждения, исполняющие наказание, по разрешению администрации этих учреждений или соответствующих вышестоящих органов управления учреждениями, исполняющими наказание.

Ответ начальника ДИН МВД С.И.Дорошко был очень краток: «Сообщаю, что Ваше электронное обращение, направленное на официальный сайт Министерства внутренних дел, рассмотрено в Департаменте исполнения наказаний МВД Республики Беларусь. Посещение специализированных учреждений органов внутренних дел в настоящее время нецелесообразно». Последним на жалобы отреагировал министр внутренних дел, изложивший следующую позицию публичного органа:

Міністэрства ўнутраных спраў
Рэспублікі Беларусь
Дэпартамент выканання пакарання

вул. Брылеўская, 14а
220039, г. Мінск
тэл. (017) 225 35 06, факс 225 35 07

Министерство внутренних дел
Республики Беларусь
Департамент исполнения наказаний

ул. Брілевская , д.14а,
220039, г. Минск,
тел. (017) 225 35 06, факс 225 35 07

25.08.2015 года № 29/С-3317эп

Сапелко П.В.
ул. Мержинского, 8 –
26
220012, г. Минск
p.sapelko@gmail.com

О рассмотрении жалобы

Уважаемый Павел Васильевич!

В Министерстве внутренних дел Республики Беларусь рассмотрена Ваша жалоба на ответ начальника Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее – Департамент) при разрешении вопроса, касающегося посещения Вами учреждений уголовно-исполнительной системы и иных специализированных учреждений, входящих в систему органов внутренних дел Республики Беларусь.

По сути жалобы сообщается следующее.

1. Согласно части 2 статьи 22 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) граждане имеют право посещать учреждения, исполняющие наказание, по разрешению администрации этих учреждений или соответствующих вышестоящих органов управления учреждениями, исполняющими наказание.

Данная норма устанавливает право, а не обязанность соответствующего субъекта, при принятии решения о даче разрешения на посещение исправительного учреждения.

Согласно части 1 статьи 73 УИК режим в исправительных учреждениях - установленный законодательством Республики Беларусь порядок исполнения и отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, безопасность осужденных и персонала и т.д.

Таким образом, рассматриваемые при изучении Вашей жалобы решения, принимаются в совокупности исходя из факторов необходимости соблюдения порядка и условий отбывания наказания, обеспечения охраны и надзора за осужденными, их изоляции, предупреждения совершения ими новых преступлений.

Полагаем, что ответы Департамента от 28.07.2015 № 29/С-2873эп и от 12.08.2015 № 7/С-3123эп не являются нарушением Ваших прав, поскольку согласно части первой статьи 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается в интересах национальной

безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

На основании вышеизложенного в комплексе Министерство внутренних дел Республики Беларусь подтверждает ранее высказанное Департаментом мнение о нецелесообразности посещения Вами учреждений уголовно-исполнительной системы и иных специализированных учреждений.

Оснований для пересмотра решения начальника Департамента не усматривается, принятия мер дисциплинарного реагирования в отношении сотрудников не требуется.

Одновременно информируем, что замечание, касающееся некорректного рассмотрения Вашего обращения при подготовке ответа Департамента от 12.08.2015 № 7/С-3123эп, принято к сведению и будет учтено при дальнейшей организации работы с обращениями граждан сотрудниками Департамента.

2. Контролирующие субъекты за деятельностью органов и учреждений уголовно-исполнительной системы определены статьями 17 – 21 УИК и данный перечень является исчерпывающим.

Реализация гражданами контрольных и надзорных функций ими непосредственно и единолично уголовно-исполнительным законодательством не предусмотрена.

Полагаем необоснованным содержащееся в Вашей жалобе утверждение о формальном характере сложившейся в республике системе гражданского контроля за пенитенциарной системой.

Общественный контроль осуществляется в соответствии с Положением о наблюдательных комиссиях при областных (Минском городском), районных, городских исполнительных комитетах, местных администрациях, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 28 августа 2001 г. № 460, Положением о порядке осуществления общественными объединениями контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 2006 г. № 1220 (*справочно: условия членства в общественных наблюдательных комиссиях определены пунктом 6 Положения)*, и постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 15 декабря 2006 г. № 85 «Об утверждении Инструкции о порядке образования и деятельности общественных наблюдательных комиссий и личного листа кандидата в члены комиссии».

Ваше персональное участие в реализации функций общественного контроля возможно исключительно в указанном формате при условии соблюдения требований приведенных выше нормативных правовых актов.

Отмечаем Вашу активную гражданскую позицию в деле обеспечения законности и правопорядка в нашей республике.

Настоящий ответ Вы вправе обжаловать в порядке, установленном статьей 20 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 года «Об обращениях граждан и юридических лиц».

Министр И.А.Шуневич

Таким образом, МВД не намерено оказывать помощи в осуществлении реального гражданского контроля за местами лишения свободы.

ПРАВОЗАЩИТНИКИ И ИХ ПРАВА: НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принятая резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 года в статье 6 так определяет права правозащитников в области поиска и распространения информации о правах человека и основных свободах:

«Каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет право:

a) знать, искать, добывать, получать и иметь в своем распоряжении информацию о всех правах человека и основных свободах, включая доступ к информации о том, каким образом обеспечиваются эти права и свободы во внутреннем законодательстве, в судебной или административной системах;

b) как предусматривается в международных договорах о правах человека и других применимых международных договорах, свободно публиковать, передавать или распространять среди других мнения, информацию и знания о всех правах человека и основных свободах;

c) изучать, обсуждать, составлять и иметь мнения относительно соблюдения всех прав человека и основных свобод как в законодательстве, так и на практике, и привлекать внимание общественности к этим вопросам, используя эти и другие соответствующие средства».

Белорусское законодательство не в полной мере имплементировало данную норму: по закону «Об информации, информатизации и защите информации» государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставлять гражданам Республики Беларусь возможность ознакомления с информацией, затрагивающей их права и законные интересы; эта норма ограничивает возможность получения информация в правозащитных целях о других гражданах. Норма о том, что гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды является сугубо декларативной, поскольку порядок представления такой информации фактически ограничен этим же законом и актами законодательства Республики Беларусь. В соответствии с законом, даже общедоступная информация может не предоставляться на основании обращения, например, в случае, если для получения запрашиваемой информации требуется проведение аналитической работы, непосредственно не связанной с защитой прав и законных интересов обратившегося лица; запрашивается информация, содержащаяся в докладных записках, поручениях должностных лиц и

другой внутренней переписке государственного органа, если такая информация непосредственно не связана с защитой прав и законных интересов лица, обратившегося за получением общедоступной информации; это перечень не является закрытым. С января 2014 года в законе появилось еще и определение «служебной информации ограниченного распространения», используя которое государственные органы стремятся оградить себя от обязанности по выдаче информации, не относящейся к государственным секретам или содержащей тайны.

Такой подход позволяет существенно необоснованно ограничивать выдачу информации в общественных интересах.

В соответствии со статьей 8 Декларации, каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, иметь реальный доступ на недискриминационной основе к участию в управлении своей страной и ведении государственных дел. Это включает, в частности, право, индивидуально и совместно с другими, представлять в правительственные органы и учреждения, а также в организации, занимающиеся ведением государственных дел, критические замечания и предложения относительно улучшения их деятельности и привлекать внимание к любому аспекту их работы, который может затруднять или сдерживать поощрение, защиту и осуществление прав человека и основных свобод. Однако на практике такие обращения в общественном интересе, как правило, остаются без надлежащего рассмотрения, поскольку трактуется как обращение без надлежаще оформленных полномочий (доверенности).

Статья 9 Декларации определила права правозащитников в области защиты нарушенных прав: при осуществлении прав человека и основных свобод, включая поощрение и защиту прав человека, упомянутых в настоящей Декларации, каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет право на пользование эффективными средствами правовой защиты и на защиту в случае нарушения этих прав. С этой целью каждый человек, чьи права или свободы предположительно нарушены, имеет право лично или через посредство законно уполномоченного представителя направить жалобу в независимый, беспристрастный и компетентный судебный или иной орган, созданный на основании закона, рассчитывать на ее безотлагательное рассмотрение этим органом в ходе публичного разбирательства и получить от такого органа, в соответствии с законом, решение, предусматривающее меры по исправлению положения, включая любую надлежащую компенсацию, в случае нарушения прав или свобод этого лица, а также право на принудительное исполнение этого решения или постановления без неоправданной задержки.

Декларация предусматривает и действия в защиту нарушенных прав иных лиц: при осуществлении прав человека и основных свобод каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет, в частности, право:

а) в связи с нарушениями прав человека и основных свобод в результате политики и действий отдельных должностных лиц и государственных органов подавать жалобы или иные соответствующие обращения в компетентные национальные судебные, административные или законодательные органы или в любой другой компетентный орган, предусмотренный правовой системой государства, которые должны вынести свое решение по данной жалобе без неоправданной задержки;

b) присутствовать на открытых слушаниях, разбирательствах и судебных процессах с целью сформировать свое мнение об их соответствии национальному законодательству и применимым международным обязательствам и принципам;

с) предлагать и предоставлять профессиональную квалифицированную правовую помощь или иные соответствующие консультации и помощь в деле защиты прав человека и основных свобод.

Последний пункт никак не посягает на установление ограничений по оказанию юридической помощи без соответствующей лицензии: правозащитная деятельность осуществляется в куда более узких рамках и по ограниченному кругу вопросов, чем адвокатская. Предметом участия правозащитника в процессе обжалования является нарушение основных прав и свобод, а не любые дела и споры, вытекающие из различных гражданских, уголовных или административных правоотношений. В отличие от адвоката, правозащитник осуществляет свою деятельность без вознаграждения, являющегося условием предоставления правовой помощи.

Между тем, уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное и административно-процессуальное законодательство содержит вопреки указанной норме, а также положению статьи 62 Конституции Республики Беларусь ограничение, не допускающее участие правозащитников в личном качестве или как представителей правозащитных организаций в делах, связанных с нарушением основных прав и свобод.

Это представляется особенно важным в свете отсутствия в Беларуси независимого от органов исполнительной власти института адвокатуры, отсутствия гарантий независимости практикующих на основании выданных срочных лицензий адвокатов. Имевшие место на протяжении последних 20 лет случаи лишения права на работу адвокатов за осуществление профессиональной деятельности парализовали волю адвокатов к принципиальной борьбе с нарушениями основных прав и свобод.

При этом процессуальное законодательство позволяет участие непрофессиональных представителей в ряде категорий дел: представителей профсоюзов и общественных объединений – по делам своих членов, обществ защиты прав потребителей – по делам о защите прав потребителей, близких родственников и супругов – по всем категориям дел в судах (в уголовном и административном процессе – по усмотрению органа, ведущего процесс). Таким образом, само по себе отсутствие формального признания государством компетенции правозащитника в качестве юриста не представляется однозначно необходимым для участия в защите прав и свобод.

Законодательство об общественных объединениях также содержит ограничения на защиту общественных интересов в рамках уставной деятельности.

Комитет по правам человека ООН в 2006 году рассмотрел дело «Звозсков и др. против Беларуси» по индивидуальному обращению Бориса Звозскова и других 23-х лиц на отказ в регистрации правозащитного общественного объединения «Хельсинки-XXI» и пришел к выводу, что отказ в регистрации противоречит требованиям Международного Пакта о гражданских и политических правах и нарушает права авторов на свободу ассоциации. Комитет отметил, что в соответствии со статьёй 22 (2) Пакта любое ограничение права на свободу объединения должно в совокупности отвечать следующим условиям: (а) должно

быть предусмотрено законом; (б) может быть применено для целей, указанных в 2 пункте; и (с) должно быть «необходимым в демократическом обществе» для достижения одной из этих целей. Ссылка на «демократическое общество» в контексте статьи 22 означает, по мнению Комитета, что существование и деятельность объединений, включая те, которые мирным способом распространяют идеи, не поддерживаемые государством или большинством населения, является ключевым моментом любого демократического общества. Комитет также отметил, что автор сообщения и Государство-участник (Беларусь) расходятся во мнении о том, запрещают ли законы республики защиту прав и свобод граждан, не входящих в состав конкретной организации (пункты 2.2, 2.3, 4, 5.2 выше). Во-вторых, Комитет отмечает, что даже если такие ограничения предусмотрены законом, Государство-участник не выдвинуло никаких аргументов, почему для соблюдения условий статьи 22 (2) при регистрации объединения необходимо было ограничить сферу его деятельности представлением и защитой прав только членов объединения. Принимая во внимание последствия отказа в регистрации – незаконность деятельности незарегистрированной организации на территории Государства-участника, Комитет приходит к выводу, что отказ в регистрации не отвечает требованиям статьи 22 (2). Права авторов согласно статье 22 (2), таким образом, были нарушены.

В соответствии со статьёй 2, пункт 3 (а) Международного пакта, Комитет пришел к выводу, что государство-участник обязано предоставить авторам соответствующее возмещение, включая компенсацию и пересмотр заявления авторов на регистрацию их объединения в свете статьи 22. государство-участник обязано принять меры, чтобы предотвратить подобные нарушения в будущем.

Принимая во внимание, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признаёт право Комитета решать, было нарушение Пакта или нет; а также, что согласно статье 2 Международного пакта, государство-участник обязуется гарантировать всем лицам на его территории или субъектам в его юрисдикции права, признанные Международным Пактом, или предоставить соответствующее возмещение в случае выявленного нарушения, Комитет выразил надежду получить от государства-участника информацию о мерах, принятых для обеспечения решения Комитета в течение 90 дней.

Таким образом, законодательство Беларуси всерьез страдает неполным соответствием принятым на себя государством обязательствам в части обеспечения прав и свобод. Эти недостатки странным образом проявляются, как правило, в областях, наиболее чувствительных с точки зрения соблюдения прав человека.

ОБРАЩЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПЦ «ВЕСНА»

Практика правозащиты зачастую показывает, что проблемы мест принудительного содержания возникают в связи с недостаточным учетом интересов заключенных при составлении нормативных актов, определяющих их права В частности, столкнувшись в случае гибели заключенного ИВС с мнением о том, что на сотрудников ИВС не налагаются обязанности по немедленному вызову скорой медицинской помощи при наличии симптомов острого заболевания у заключенного, ПЦ «Весна» инициировал обращение в МВД за разъяснением данного положения и высказал предложение об улучшении ситуации:

«В соответствии с Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 08.08.2007 № 194 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка специальных учреждений органов внутренних дел, исполняющих административное взыскание в виде административного ареста»:

75. Административно арестованные и административно задержанные, доставленные в специальные учреждения, опрашиваются дежурным о состоянии их здоровья на предмет выявления нуждающихся в оказании неотложной медицинской помощи, а также осматриваются на наличие педикулеза. ...

76. В случае жалоб кого-либо из доставленных административно арестованных (административно задержанных) на плохое состояние здоровья или при явных признаках заболевания дежурный должен немедленно вызвать скорую медицинскую помощь.

Аналогичные нормы содержатся в Постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20.10.2003 № 234 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания органов внутренних дел» (п.п.113, 114).

Таким образом, можно предположить, что в соответствии с п.п.75 и 76 (п.п.113, 114) Правил, обязанность вызвать скорую медицинскую помощь в случае жалоб кого-либо из доставленных административно арестованных (административно задержанных, содержащихся под стражей, задержанных) на плохое состояние здоровья или при явных признаках заболевания у дежурного возникает при приеме арестованного и тогда же заканчивается.

Других указаний на необходимость немедленно оказывать медицинскую помощь заключенным в при явных признаках заболевания Правила не содержат.

Это толкование противоречит ст.23 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17.07.2007 № 263-З, в соответствии с которой «Сотрудник органов внутренних дел должен принять меры по немедленному оказанию медицинской и другой необходимой помощи лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, лицам, находящимся в беспомощном или опасном для жизни или здоровья состоянии». Таким образом, указанные Правила подлежат изменению, призванному устранить указанный пробел».

Из ответа МВД следовало, что действующее законодательство полно определяет права и обязанности сотрудников органов внутренних дел, предписывает им принимать меры по оказанию медицинской помощи, и Правила в дополнениях не нуждаются.

В мае 2015 года юрист ПЦ «Весна» П.Сапелко обратился в Верховный Суд Республики Беларусь для получения разъяснения порядка доступа граждан в выездные судебные заседания на территории мест лишения свободы и порядок использования ими звукозаписывающих устройств. Поводом послужил случай, когда несколько правозащитников, общественных активистов и журналистов попытались попасть в судебное заседание суда Шкловского района Могилевской области, где решался вопрос о переводе политзаключенного Н.Статкевича в тюрьму. Сотрудник колонии отогнал от здания административного корпуса, где также находилось и бюро пропусков всех прибывших, угрожая им незаконным применением силы и не позволил реализовать свое право на присутствие в открытом судебном заседании. Отдельный сотрудник колонии

через некоторое время позволил супруге политика оформить пропуск для присутствия в судебном заседании.

В жалобе было указано: «... начальник управления ДИН МВД по Могилевской области сообщил, что судебное заседание, которое я хотел посетить, было открытым, но проходило в здании административного корпуса - на территории режимного объекта, в связи с чем свободный проход на его территорию запрещен.

В соответствии со ст.23 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, разбирательство уголовных дел во всех судах открытое. Разбирательство уголовного дела в закрытом судебном заседании допускается лишь в интересах обеспечения охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, а также по некоторым категориям дел и в случае, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного процесса, а также членов их семей или близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими. В соответствии с частью 1 ст. 287 УПК, суд должен обеспечить открытое судебное разбирательство уголовных дел.

Таким образом, я имел право присутствовать в открытом судебном заседании на территории колонии, и именно суд должен был обеспечить мне и всем желающим соблюдение этого права. Судье, который вел это заседание, безусловно было известно о том, что лица, желающие присутствовать на судебном заседании, неминуемо столкнутся с препятствиями в реализации своего права. Однако никаких усилий для создания условий для соблюдения принципа гласности и уважения прав граждан им не было предпринято.

Такими действиями могли быть:

- создание практики заблаговременного предварительного оповещения судами о делах, назначенных к рассмотрению;

- выяснение секретарем судебного заседания состава лиц, желающих присутствовать в судебном заседании и получение для них пропусков;

- организация судебных заседаний вне здания суда с расчетом на обеспечения учреждением свободного доступа граждан;

- проведение судебного заседания в здании суда, если по соображениям безопасности невозможно обеспечить доступ граждан на территорию режимного объекта.

...хотелось бы выяснить еще и то, каким образом при участии в такого рода судебных заседаниях граждане могут реализовать свое право вести аудиозапись судебного заседания, предоставленное частью 6 ст.287 УПК, в свете того, что пронос звукозаписывающих устройств на территорию колоний запрещен».

Заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь не усмотрел в существующем положении дел нарушений прав граждан и не счел возможным принимать какие-либо меры в связи с этим.

Вот ответ Заместителя Председателя Верховного Суда, который свидетельствует о полном непонимании принципов справедливого суда в части открытости судебного разбирательства и положительных обязательств государства в этой связи.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

11.06.2015 № 01-950-С

Сапелко П.В.
p.sapelko@gmail.com

О рассмотрении обращения

Верховный Суд Республики Беларусь рассмотрел в пределах компетенции Ваше электронное обращение от 01.06.2015 и сообщает следующее.

Судом Шкловского района 04.05.2015 рассмотрено представление начальника ИК № 17 в отношении осужденного Статкевича Н.В. о переводе из исправительной колонии для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы в условиях усиленного режима, в тюрьму. Рассмотрение представления проводилось в выездном судебном заседании на территории ИК № 17 г.Шклова.

При этом обращаю Ваше внимание, что в соответствии со ст. 281 УПК решение вопросов о месте и времени судебного разбирательства, организации судебного заседания относится к исключительной компетенции судьи, в производстве которого находится дело.

Решение о входе на территорию ИК № 17, учреждения со специальным пропускным режимом, принимается начальником данного учреждения.

Доводы о невыполнении судом положений ч.1 ст. 287 УПК необоснованны.

Рассмотрение представления проходило в открытом судебном заседании.

Лицам, заявившим о своем желании присутствовать в судебном заседании при рассмотрении представления в отношении Статкевича Н.В., начальником ИК № 17 по согласованию с судом была предоставлена возможность прохода на территорию исправительного учреждения.

При этом проверкой установлено, что Вы к суду, начальнику ИК № 17 с просьбами о пропуске Вас на территорию колонии не обращались.

При назначении и подготовке судебного разбирательства судьей и секретарем судебного заседания были выполнены все действия, предусмотренные ст.ст. 281, 283 УПК, Инструкцией по делопроизводству в районных (городских) судах Республики Беларусь, утвержденной приказом Верховного Суда Республики Беларусь от 06.10.2014 № 81. Возложение на секретаря судебного заседания обязанности по совершению иных, в том числе указанных в обращении, действий законом не предусмотрено.

Порядок применения звукозаписи и других форм фиксации хода судебного разбирательства регламентирован в УПК. Необходимые рекомендации судам даны в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20.12.2013 N 11 "Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и о распространении информации о деятельности судов". Дополнительного разъяснения данный вопрос не требует.

Вместе с тем обращаю Ваше внимание, что звукозапись не является единственным и исключительным способом реализации права граждан на фиксацию хода судебного разбирательства.

Заместитель Председателя Верховного
Суда Республики Беларусь Р.Г.Анискевич

Таким образом, Заместитель Председателя Верховного Суда не намерен не только улучшать положение с соблюдением принципов справедливого суда, но и признавать наличие существенных проблем в реализации прав граждан.

При рассмотрении уголовного дела Юрия Рубцова, который обвинялся в уклонении от отбытия наказания в виде ограничения свободы, возник вопрос недостаточного законодательного урегулирования некоторых вопросов отбытия такого вида наказания.

В связи с этим ПЦ «Весна» обратился в парламент Беларуси для получения толкования отдельных положений Уголовно-исполнительного кодекса.:

«В соответствии со статьей 50 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (Условия труда осужденных к ограничению свободы), труд осужденных регулируется законодательством Республики Беларусь о труде и об охране труда, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу.

Перевод осужденного на другую работу, в том числе в другую местность, может осуществляться администрацией организации, в которой работает осужденный, и индивидуальным предпринимателем, у которого работает осужденный, по согласованию:

1) с администрацией исправительного учреждения открытого типа – в отношении осужденного к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа;

2) с уголовно-исполнительной инспекцией – в отношении осужденного к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа.

В соответствии со статьей 52 УИК (Обязанности администрации организаций, в которых работают осужденные к ограничению свободы, и индивидуальных предпринимателей, у которых работают осужденные к ограничению свободы), администрации организаций, в которых работают осужденные к ограничению свободы, и индивидуальным предпринимателям, у которых работают осужденные к ограничению свободы, запрещается увольнять их с работы, кроме случаев:

1) освобождения от отбывания наказания по основаниям, установленным Уголовным кодексом Республики Беларусь;

2) перевода осужденного на работу в другую организацию, к другому индивидуальному предпринимателю;

21) перевода осужденного к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа для отбывания наказания в другое исправительное учреждение открытого типа или для отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа;

3) вступления в законную силу приговора суда, которым лицо, отбывающее наказание в виде ограничения свободы, осуждено к лишению свободы;

4) невозможности выполнения данной работы по состоянию здоровья.

Таким образом, Кодекс устанавливает особенные правила увольнения с работы, перевода на другую работу осужденным к ограничению свободы.

Особенности правил приема на работу для таких лиц Кодексом не установлены, что может порождать спорные ситуации в практике отбытия такого рода наказания.

В частности, в соответствии со статьей 47 УИК (Порядок исполнения наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа), осужденные, отбывающие наказание в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, находятся под надзором и обязаны работать по направлению администрации исправительного учреждения открытого типа.

Каких-либо указаний на обязанность осужденного заключить трудовой договор в этой норме не отражено, а именно так на практике оформляются трудовые отношения осужденного и нанимателя.

В этой части Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь обнаруживает неясность.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», ст.70, в случае обнаружения неясностей и различий в содержании нормативного правового акта, а также противоречий в практике его применения нормотворческий орган (должностное лицо), принявший (издавший) этот акт, или, если иное не предусмотрено Конституцией Республики Беларусь, уполномоченный им орган осуществляют официальное толкование этих норм путем принятия (издания) соответствующего нормативного правового акта. При толковании нормативного правового акта объясняется или уточняется содержание его правовых норм, определяется их место в законодательстве, а также функциональные и иные связи с другими нормами, регулирующими различные аспекты одного и того же вида общественных отношений». От ПП НС требовалось дать толкование статьи 50 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь в части того, какие правила приема на работу установлены для осужденных к ограничению свободы, в отличие от норм Трудового кодекса.

Толкование Кодекса чиновники парламента сочли невозможным, сославшись на достаточное урегулирование данного вопроса: особенностью правил приема на работу, по их мнению, является то, что осужденные трудоустраиваются не самостоятельно, а по направлению органа внутренних дел.

ПЫТКИ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Пытки и жестокое обращение в учреждениях несвободы остаются системной проблемой. Решение этой проблемы, в первую очередь, возможно в условиях объективных расследований всех случаев применения жестокого обращения и привлечения виновных к ответственности. К сожалению, в наблюдаемых случаях органы, уполномоченные на расследование случаев пыток и жестокого обращения, объективной оценки ситуаций не демонстрируют.

Дело А. Акулича

В 2013 году в ПЦ «Весна» обратилась Акулич Валентина Алексеевна и рассказала правозащитникам, что ее сын умер 26 мая 2012 года в ИВС Светлогорского РОВД от рук сотрудников милиции. Это были четвертые из пяти суток, на которые Александр Акулич был помещен в ИВС. Осмотреть тело сына мать смогла лишь когда его привезли домой. “Я увидела, что он весь в синяках, весь изрезанный, и руки и ноги, лицо все черное. Я позвонила в “102” и сказала: убийцы, вы убили моего сына, я вам не верила, что он сам умер. Ко мне приехали два сотрудника милиции, я просила их снять тело на камеру – они отказались. На следующий день я позвонила знакомой, она принесла фотоаппарат и мы все сняли. В тот же вечер я написала заявление”. В заявлении Валентина Акулич просила провести проверку по факту смерти ее сына и по поводу наличия на его теле многочисленных телесных повреждений.

В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела следователь отдела по Светлогорскому району Следственного комитета Республики Беларусь Петоченко В.В. сообщил матери умершего, что необходимость в применении физической силы и спецсредств в отношении ее сына была вызвана тем, что он “вел себя агрессивно, оказывал неповиновение сотрудникам милиции, не подчинялся их законным требованиям”. “Действия сотрудников милиции Стешенкова Р.И. и Бочко А.А., находившихся при исполнении служебных обязанностей, соответствуют закону РБ “Об органах внутренних дел” и совершены в пределах предоставленных им полномочий. В связи с этим оснований для возбуждения уголовного дела не имеется”, - постановил следователь Следственного комитета.

Валентина Акулич считала, что проверка по факту смерти ее сына проведена недостаточно полно и нуждается в дополнении, а действия сотрудников органов внутренних дел – в надлежащей оценке.

В связи с этим она неоднократно обращалась в прокуратуру, к руководству Следственного комитета с жалобами на решение следователя. В конце 2014 года суд Светлогорского района Гомельской области со второй попытки (по результатам первого рассмотрения жалобы в ней было отказано, но постановление в конце концов было отменено по протесту Заместителя Председателя Верховного Суда) отменил последнее постановление следователя и направил дело для производства дополнительной проверки в Следственный комитет.

Старший следователь Светлогорского районного отдела Следственного комитета Вячеслав Петоченко 3 декабря 2014 года вновь вынес очередное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти административно задержанного Александра Акулича в ИВС Светлогорского РОВД. Несмотря на то, что судьей Ириной Алисейко была дана принципиальная оценка допущенных недостатков при проведении проверки, следователь Петоченко должных выводов не сделал и вновь к исследованию обстоятельств дела подошел поверхностно. В ходе повторных опросов сотрудников милиции Стешенкова и Бочко следователем были получены как ранее известные, так и новые сведения, которые не были им надлежаще и всесторонне оценены.

Первая нелепость, которая режет глаз при ознакомлении с постановлением Вячеслава Петоченко, на взгляд правозащитников, заслуживает особого внимания. Это касается вопроса о том, каким образом на стопах погибшего образовались следы побоев. (Как известно, это один из наиболее распространенных методов бесчеловечного обращения и пыток – заключенных бьют дубинкой по стопам, в результате чего они не могут ходить.) Очевидно, следователю показались весьма убедительными рассуждения сотрудников ИВС на этот счет: в постановлении неоднократно указывается на то, что эти повреждения образовались в связи с тем, что Александр Акулич ударялся босыми ногами о различные поверхности. Однако сотрудники милиции и вслед за ними следователь Петоченко напрасно увлеклись этой версией: материалы дела ее опровергают. Имеется заключение эксперта (от 26 мая 2012 года), в котором указано, что наружное исследование трупа Александра Акулича началось с того, что с него были сняты среди прочих вещей и “полуботинки из черного кожезаменителя на босую ногу”.

Правозащитники «Весны», которые оказывают правовую помощь матери погибшего Валентине Акулич, не нашли в постановлении Вячеслава Петоченко и ответов на другие вопросы относительно действий милиционеров Стешенкова и Бочко, которые должны были быть выяснены при проведении проверки следователем.

Почему, вопреки требованиям п. 76 «Правил внутреннего распорядка специальных учреждений органов внутренних дел, исполняющих административное взыскание в виде ареста», ни Стешенков ни Бочко не вызвали скорую медицинскую помощь, когда Акулич еще находился в камере и не препятствовал им исполнять их обязанности (при этом Стешенков не отрицает, что признаки заболевания задержанного были явными и соответствовали известному им алкогольному психозу)?

В связи с чем эти милиционеры приняли решение вывести Александра Акулича в следственный кабинет, очевидно предназначенный для проведения следственных действий, но никак не для оказания медицинской помощи?

В чем заключалось агрессивное поведение Акулича? По мнению правозащитников, без пояснений утверждение об агрессивном поведении выглядит как фразеологический штамп, который без достаточного повода могут употреблять и сотрудники милиции, и сам следователь для искусственного создания видимости обоснованности применения жестокого обращения с задержанным.

Как пристегивание к металлической решетке – твердой неровной поверхности – наручниками может предотвратить нанесение вреда себе человеком, не отдающим себе отчет в действиях, ведь последующие события с очевидностью показали, что такое

решение было глубоко ошибочным? И каким инструкциям соответствует такой способ иммобилизации больного человека, а также – соответствует ли инструкциям применение для этого наручников, предназначенных для конвоирования?

Следуя закону об органах внутренних дел, правозащитники настаивают, что «во всех случаях, когда избежать применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники невозможно, сотрудник органов внутренних дел обязан стремиться причинить наименьший вред жизни, здоровью, чести, достоинству и имуществу граждан, а также принять меры по немедленному оказанию пострадавшим медицинской и иной необходимой помощи».

Действия сотрудников Светлогорского РОВД Стешенкова и Бочко правозащитники расценивают, безусловно, как акт запрещенного жестокого, бесчеловечного обращения.

Валентина Акулич с помощью «Весны» направила прокурору Светлогорского района жалобу на постановление следователя Вячеслава Петоченко об отказе в возбуждении уголовного дела. В этой жалобе ставятся все перечисленные выше вопросы, а также указывается, что «следователь по-прежнему не учел, что некоторые проверочные действия, в частности устранение противоречий в показаниях свидетелей, невозможно провести в рамках проверки, но возможно в рамках возбужденного уголовного дела через очную ставку. Также прокурору доводится о необходимости проведения следственных экспериментов, в частности, позволяющих установить, могут ли телесные повреждения быть причинены в контакте с деталями интерьера ИВС.

Постановление следователя было отменено. Однако 7 февраля 2015 года следователем вновь было вынесено аналогичное постановление.

Валентина Акулич направила прокурору Светлогорского района Гомельской области жалобу. В этой жалобе подробно излагаюлись недостатки проверок следователя Светлогорского районного отдела Следственного комитета, на которые неустанно указывают мать погибшего и правозащитники «Весны», но которые сам следователь, проводя очередную проверку, почему-то упускает из виду.

Акцентируем внимание на некоторых обстоятельствах, которые доводились в жалобе районному прокурору:

Как отмечают правозащитники, “следователь полагает, со ссылкой на п. 75 и п.76 Правил внутреннего распорядка специальных учреждений органов внутренних дел, исполняющих административное взыскание в виде административного ареста, утвержденных постановлением от 08.08.2007 № 194 Министерство внутренних дел Республики Беларусь, что обязанность вызвать скорую медицинскую помощь в случае жалоб кого-либо из доставленных административно арестованных (административно задержанных) на плохое состояние здоровья или при явных признаках заболевания у дежурного возникает при приеме арестованного и тогда же заканчивается.

Это толкование противоречит не только смыслу, но и ст.23 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17.07.2007 № 263-З, в соответствии с которой «Сотрудник органов внутренних дел должен принять меры по немедленному оказанию медицинской и другой необходимой помощи лицам, пострадавшим от преступлений,

административных правонарушений и несчастных случаев, лицам, находящимся в беспомощном или опасном для жизни или здоровья состоянии»”.

Но из объяснений дежурного ИВС Р.Стешенкова, имеющихся в материалах проверки, следует, что он игнорирует свою обязанность вызвать «скорую помощь» немедленно и ведет себя в соответствии с собственным пониманием своих должностных обязанностей. «Так, указанный сотрудник откровенно признается в том, что ему известно о наличии причин для вызова медицинских работников – заключенный ведет себя неадекватно, проявляет признаки психического расстройства, но в нарушение указанных выше требований решает самостоятельно удостовериться в том, что такое поведение заключенного – не симуляция заболевания. Какой инструкцией это предписано? Какими медицинскими знаниями обладает этот сотрудник?», - ставился закономерный вопрос в жалобе.

По мнению правозащитников, следователю Петоченко стоило бы критично отнестись к попыткам сотрудников ОВД, в частности, Стешенкова, уйти от ответственности. «Указанный сотрудник исключительно в тех обстоятельствах, которые свидетельствуют о его противоправном поведении, забыл о случившемся. Начисто. Даже забыл о том, почему внес, по его словам, заведомо уже сейчас для него недостоверную запись в журнал применения спецсредств. Или запись все же достоверная? Ведь он сотрудник исключительно профессиональный и грамотный, если верить характеристике. Забыл, как долго и куда бил арестованного – человека, всецело находящегося в его власти. Только мелкие детали выдают неискренность дежурного по ИВС: у него не хватило времени на то, чтобы вызвать «Скорую помощь» умирающему, но был занят он в это время не только удерживанием Акулича, но и проверкой камер. Это важнее жизни человека?»

В жалобе подчеркивалось, что пока достоверно не установлено иное и не опровергнуты объективные доказательства, есть все основания утверждать: избиение Александра Акулича и непрофессиональные, откровенно обреченные на неудачу попытки зафиксировать агонизирующего больного наручниками с длинной цепочкой на решетке продолжалось с 00:30 до его гибели после 01:00; в течение этого времени три сотрудника органа внутренних дел сознательно игнорировали свои обязанности по оказанию медицинской помощи человеку с острым расстройством здоровья - потому что не считают это (в соответствии со своим пониманием законодательства, определяющего порядок содержания арестованных) своей обязанностью.

По-прежнему остался неисследованным механизм образования телесных повреждений на ногах. В постановлении неоднократно указано, что эти повреждения образовались в связи с тем, что Акулич ударялся босыми ногами о различные поверхности. Но напомним, что согласно заключения эксперта, исследование трупа начиналось с того, что с него вслед за одеждой были сняты ботинки. «И действительно, опрос санитарки снял все вопросы относительно этого обстоятельства. Она, санитарка, а не эксперт, производивший исследование, «успокоила» следователя, заявив, что сведения о ботинках – это просто описка. Сколько еще описок осталось в заключении?» - отмечается на этот счет в жалобе на новое постановление Петоченко.

Без внимания продолжает оставаться и то обстоятельство, что фельдшер «Скорой помощи», прибывшая в ИВС, обнаружила Акулича лежащим на животе с рукой,

завернутой за спину. В таком положении искусственное дыхание и массаж сердца не делается, а сведений о том, что положение Акулича изменялось после того, как ему, якобы, делалось искусственное дыхание и массаж сердца, нет. Это обстоятельство опровергает пояснения сотрудников ИВС и должно учитываться при оценке этих пояснений и законности их действий в целом, настаивают правозащитники. «Почему это обстоятельство снова не исследовано? Конечно, легче повторно опросить фельдшера, которая просто изменит свои объяснения, не объяснив причины таких изменений. Протокол опроса, где свидетель указывала на такие обстоятельства, был кратким. Не увидеть того, что следователь неверно изложил пояснения свидетеля, исказил их, неправильно понял, было невозможно» - говорилось в жалобе.

Также прокурору сообщалось, что следователь неверно оценил теоретические разъяснения врача-нарколога относительно заболевания Александра Акулича, равно как и врач был «чрезмерно скор на выводы». «Врач пришел к выводу о том, что отек мозга возник и развился у Акулича «быстро», так как тот не жаловался на боли и т.п., поэтому помочь ему было невозможно даже в случае медицинского вмешательства». По мнению правозащитников, такое утверждение неверно, в первую очередь, потому, что в его основу положены неверные сведения, которые следователь, очевидно, сообщил врачу. «В соответствии с объяснениями административно-арестованного Дикуна от 22.05.2012 г., «в камере он (Акулич) вел себя спокойно, но было заметно, что ему плохо после длительного употребления спиртного… Он много пил воды, потел». В 22.00 у Акулича начались галлюцинации. Так может отек развивался не «быстро», а так, что своевременная медицинская помощь спасла бы ему жизнь?».

В конце мая женщина получила очередную отписку из Прокуратуры Гомельской области, куда обращалась с требованием отменить решение Светлогорского районного отдела Следственного комитета об отказе в возбуждении уголовного дела (от 07.02. 2015 г.). Заместитель областного прокурора Геннадий Романюк сообщил, что ее обращение оставлено без удовлетворения: «Проверка Светлогорским РОСК проведена полно, всесторонне, объективно и оснований для отмены принятого 07.02. 2015 следователем процессуального решения не имеется», - пишет прокурорский работник.

Но факт остается очевидным: дежурные по ИВС милиционеры Стешенков и Бочко должны были незамедлительно вызвать бригаду медиков для оказания помощи задержанному Акуличу, который в ней остро нуждался, но не сделали этого. Ни управление внутренних дел Гомельского облисполкома, ни соответствующее подразделение Следственного комитета все никак не могут установить нарушения действующего законодательства со стороны данных сотрудников Светлогорского РОВД.

В этот раз правозащитники дополнительно обращали внимание на то, что «Неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно нетерпящей отлагательства помощи, если она заведомо могла быть оказана виновным без опасности для его жизни или здоровья либо жизни или здоровья других лиц, либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи является преступлением и влечет уголовную ответственность».

На эти пункты указывалось и в обращении матери погибшего в областную прокуратуру.

Кроме того, как указывают правозащитники, следователь оставил без внимания и без оценки доказательства по делу, по всей видимости, уже утраченные (по объяснениям представителя СК в суде): со стен комнаты для допросов были изъяты образцы следов вещества бурого цвета (видимо, крови). В ходе проверки принадлежность крови погибшему Акуличу не устанавливалась. Наличие следов его крови на стене допросной комнаты повлияет на оценку показаний сотрудников ИВС. Эти образцы, как выяснил в 2014 году судья в процессе, к делу не приобщены.

В сентябре 2015 года была подана жалоба на постановление следователя в суд Светлогорского района. Жалоба матери погибшего Валентины Акулич на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела рассматривалась под председательством Владимира Степанова 12 октября текущего года. В судебном заседании Валентина Акулич и ее представитель заявили, что, в соответствии с нормами законодательства, регулирующими работу органов внутренних дел, запрещено дальнейшее содержание в спецучреждении людей с признаками острого психического, инфекционного и других острых заболеваний, требующих неотложной медицинской помощи. Они напомнили, что дежурный по ИВС Светлогорского РОВД Стешенков Р.И. не выполнил должным образом свою должностную обязанность – не вызвал административно арестованному скорую медицинскую помощь. По их мнению, необходимость оказания этой помощи была для сотрудника милиции очевидной, поскольку Александр Акулич вел себя неадекватно, проявлял признаки психического расстройства. Но вместо этого, Стешенков решил самостоятельно удостовериться в том, что Акулич не симулирует заболевание. Таким образом, заявительница настаивает, что в действиях Стешенкова и других милиционеров (неоказание человеку, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой неотложной помощи путем несообщения медицинским учреждениям о необходимости оказания данной помощи) усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса.

Помимо того, попытки сотрудников милиции приковать агонизирующего арестованного наручниками к металлической решетке, избивая его при этом, мать погибшего и правозащитники расценивают как акт запрещенного жестокого и бесчеловечного обращения.

Судья Степанов, выслушав стороны в судебном заседании, счел, что следственная проверка проведена неполно. При этом среди недостатков, требующих устранения, он указал, что из 10 человек, находившихся в ночь гибели Акулича, с 25 на 26 мая 2012 года, в камерах ИВС, следователь опросил лишь одного; что факт просмотра следователем видеозаписи с камеры видеонаблюдения ИВС нигде не задокументирован и об этом упомянул лишь замначальника ИВС в своих объяснениях. «При данных обстоятельствах постановление старшего следователя Светлогорского районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь от 07 февраля 2015 года подлежит отмене…», - заключает судья.

Правозащитники ПЦ «Весна», которые ведут работу по данному делу, не в восторге от такого вывода судьи, так как, судя по всему, дополнительное расследование в очередной раз будет сведено к формальному выполнению формальных предписаний. Записи с камеры видеонаблюдения ИВС как не было в материалах проверки, так, должно быть и не будет, а вероятные свидетели уже могли забыть о событиях 2012 года. В то время

существенные недостатки следственных проверок, упорно излагаемые в жалобах правозащитников, остаются без должного внимания.

Несмотря на то, что судьи отменяют одно за одним постановления Светлогорского РОСК, в целом они поддерживают направление, в котором идет следствие, не прислушиваясь к неопровержимым аргументам правозащитников: противоправные действия сотрудников милиции остаются без должной оценки.

В начале декабря 2015 года после непродолжительной дополнительной проверки вновь было вынесено постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

На этом, как полагает мать погибшего и правозащитники, эффективные возможности восстановления прав потерпевшей на национальном уровне исчерпаны.

Дело П. Кучуры

Психологическое давление на Петра Кучуру началось после публикации на сайте правозащитной организации «Платформа» в июне 2014 Года статьи о поборах в могилевской ИК-15, появление которой администрация сочла делом рук осужденного и его супруги – Людмилы Кучуры. Одно за другим на Петра Кучуру посыпались взыскания, например, за «сон в неустановленное время», наложение которых позволяет лишить его свиданий с женой, чтобы он не мог рассказать ей о том, как в колонии обращаются с заключенными.

После взысканий было ШИЗО, а за ним – ПКТ. Оказавшись в камере ШИЗО 19 сентября, Пётр Кучура увидел, что в умывальник и унитаз засыпана хлорка – примерно с ведро. О проблемах с канализацией ему ничего не сообщили. Как только он включил воду, растворенная в воде хлорка дала реакцию. От сильного раздражения слизистых глаз и рта, мужчина не мог ни смотреть, ни дышать, он начал стучать в дверь. Появившийся в камере контролер сообщил, что сантехника пока прислать не могут, все сантехники заняты. Следует отметить, что в таких помещениях, как ШИЗО, вентиляция практически отсутствует. Сантехников вызвали лишь когда заключенному стало плохо. После очистки канализации ему бросили тряпочку размером с носовой платок, чтобы ею он убрал все, что было разлито по камере. Камеру он вымыл, но дышать в ней по-прежнему было невозможно. Но в другую камеру его перевели лишь когда его самочувствие значительно ухудшилось. Петр Кучура так описывал супруге в письме свое состояние после отравления: «у меня еще трое суток все горело внутри», «после 19 сентября у меня еще трое суток из носа текла обильная жидкость… через некоторое время эта «вода» сменилась мокротой, и она до сих пор [февраль 2014 года] у меня обильно выделяется… после всего этого мне стало тяжело дышать и очень часто стала болеть голова».

Петр Кучура является инвалидом 3-й группы по заболеванию сердца, которое он приобрел в заключении. В связи с заболеванием он должен ежедневно принимать лекарства, но с водворением в ПКТ регулярность приемов медикаментов нарушалась. Также случалось, что врач заменял сердечные препараты таблетками от кашля, но объяснений на этот счет заключенному получить не удалось. Несвоевременное принятие лекарств может обернуться инфарктом, инсультом или внезапной остановкой сердца.

Все это подробно описано в жалобе на противоправные действия администрации и персонала ИК-15, которую Людмила Кучура 5 ноября 2013 года направила начальнику управления Следственного комитета по Могилевской области. Она просила провести проверку для установления факта отравления хлором и последствий этого отравления и возбудить уголовное дело против лиц, виновных в причинении вреда здоровью ее мужа. Однако Начальник управления А.И. Ракусов не стал разбираться и перенаправил жалобу в Могилевское областное управление ДИН МВД. Но ДИН МВД не уполномочено рассматривать заявления и сообщения о преступлениях: в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом принятие решений по заявлениям или сообщениям о преступлениях, совершенных должностными лицами органов внутренних дел в связи с их служебной или профессиональной деятельностью, относится к исключительной компетенции органов предварительного следствия в соответствии с их подследственностью. В связи с этим следующую подготовленную правозащитниками «Весны» жалобу Людмила Кучура направила уже заместителю председателя Следственного комитета Республики Беларусь. В этой жалобе сообщалось, что решение А.И. Ракусова является незаконным и нарушает права и осужденного и заявителя.

По этой жалобе начальник главного управления процессуального контроля СК РБ Михаил Алешкин сообщил Людмиле Кучуре о том, что «оснований для проведения проверки по Вашему обращению в порядке уголовно-процессуального законодательства органами Следственного комитета не имеется». Принимая такое решение, СК не проводил никакой проверки, несмотря на то, что заявительница просила об этом, и сослался на приложенное к жалобе решение прокуратуры Могилевской области от 13.11.2013 г., в котором сообщается, что «в связи с Вашей жалобой проводилась проверка установленного порядка отбывания Кучурой П.К. наказания, а также условий его содержания в ИК-15. Каких-либо нарушений, в том числе фактов, подтверждающих совершение должностными лицами исправительного учреждения в отношении Кучуры П.К. преступления, в ходе проверки не выявлено».

Одновременно заключенный стал ощущать негативные последствия своей борьбы за справедливость: 30 декабря 2013 года Петр Кучура переведен на три года строгого режима в могилевскую тюрьму № 4.

Однако продолжительные усилия супруги осужденного и правозащитников «Весны» возымели определенный результат: в конце мая супруга осужденного получила из Управления следственного комитета по Могилевской области сообщение о том, что назначена проверка для установления факта отравления хлором и последствий этого отравления, с этой целью будет проведена судебно-медицинская экспертиза. Также по жалобам Людмилы Кучура будет проведена проверка согласно статье 174 Уголовно-процессуального кодекса РБ, поскольку она просила возбудить уголовное дело против лиц, виновных в причинении вреда здоровью ее мужа.

К сожалению, проверка прошла поверхностно и в возбуждении уголовного дела было отказано. После этого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела неоднократно отменялись по жалобам, но вновь принимались аналогичные процессуальные решения.

Петр Кучура потребовал прокурорского реагирования в адрес Могилевского межрайонного отдела Следственного комитета за несвоевременно начатую проверку по факту отравления его хлоркой в ИК-15, что сделало невозможным наказание виновных.

Как сообщила Правозащитному центру «Весна» супруга осужденного, Петр Кучура в конце февраля направил жалобу прокурору г. Могилева, поскольку после более чем года ожидания от органов СК объективного расследования факта его отравления понял, что наказать виновных уже практически невозможно.

Людмила Кучура рассказала об основных пунктах жалобы мужа, в которых он изложил прокурору свои соображения насчет проверки противоправных действий администрации ИК-15.

Прежде всего, осужденный напоминает, что проверка по его жалобе была формально начата только через 9 месяцев после случившегося и только благодаря многочисленным жалобам его жены в различные инстанции. И к тому моменту, когда со дня отравления прошло 14 месяцев (а с начала обжалования – год с небольшим), постановления Могилевского МОСК об отказе в возбуждении уголовного дела отменялись пять раз из-за неполноты проверки. Все эти проверки Петр Кучура считает формальными, поскольку его ни разу не осмотрел медицинский эксперт.

Далее он заявляет прокурору, что фактически лишен возможности полноценно осуществлять свои права при проведении проверки и обжаловании ее результатов. Ведь на каком-то этапе его жену, выступавшую заявителем и добившуюся-таки проведения проверки, СК стал игнорировать, исключив из процесса переписки без каких-либо законных обоснований. Петр Кучура пишет, что, конечно, может воспользоваться помощью адвоката, но это, во-первых, дополнительные расходы, а во-вторых, он больше доверяет своей супруге в части настойчивости в защите его прав.

Осужденный убежден, что главной причиной, по которой стало практически невозможно наказать виновных сотрудников ИК-15, стал тот самый год, на который растянулись его ожидания объективного решения по жалобе и с помощью которого были «стерты» следы отравления из его организма. И здесь логичный вопрос прокурору: кто понесет, и понесет ли когда-то, ответственность за несвоевременно начатую проверку, вынесет ли, наконец, прокуратура хоть какое-то представление в адрес СК, который полгода игнорировал заявления жены осужденного?

Как вытекает из постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, немногочисленные опрошенные заключенные и многочисленные сотрудники ИК-15 факт применения хлорки отрицают, эксперты проводить экспертизу не хотят, а до этого заявили, что следов на теле хлорка не оставляет, какие-то медики из «Скорой помощи» и из колонии рассуждают, что с легкими Кучуры все в порядке. То есть, доказать факт применения жестокого обращения стало невозможно, резюмирует осужденный, напоминая, что при этом какая-то экспертиза все же была назначена, но ее не проводили.

Ставя под сомнение результативность действий органа СК при проверке, Петр Кучура задает прокурору ряд вопросов. Кто сомневался в том, что заключенные никогда не дадут показания, уличающие в совершении преступления кого-либо из администрации колонии? Разве кого-то из должностных лиц на период проверки или хоть на день

отстранили от выполнения своих должностных обязанностей? Как можно считать такую проверку объективной? Он настаивает на возбуждении уголовного дела, что позволяет провести очную ставку с целью устранения противоречий между показаниями опрошенных заключенных, сотрудников колонии и его личными.

И отдельное возмущение у осужденного вызывает ситуация с экспертизами: ему непонятно, что мешает предоставить для исследований экспертам его и его медицинскую документацию и зачем уже полгода, с момента проведения проверки, изобретаются какие-то опросы медиков и получение сведений из Госкомитета судебных экспертиз. Неужели следователи надеются получить от тюремных врачей признание о том, что они видели у Кучуры следы химических ожогов и оставили в тюрьме без лечения?

«Да, уполномоченным государственным органам не удастся никогда в таких условиях доказать вину конкретных должностных лиц, что для меня очевидно. Имейте хоть мужество признать факт жестокого обращения со мной, инвалидом, немолодым человеком», - цитирует Людмила Кучура обращение мужа к прокурору.

В этой жалобе Петр Кучура просил прокурора г. Могилева отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела следователя Могилевского межрайонного отдела Следственного комитета Республики Беларусь от 8.12.2014 года и принять меры прокурорского реагирования к сотрудникам СК, виновным в несвоевременном возбуждении проверки по заявлению его жены в его интересах.

Кроме того, жалобы на действия сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь осужденный направил Генеральному прокурору и Председателю Следственного комитета.

По словам Людмилы Кучура, ее мужу только в июне 2015 года и с большим трудом, через бумажную волокиту, удалось получить на руки отписки на свои жалобы, еще в марте пришедшие в тюрьму №4 (там Петр Кучура содержится после ужесточения наказания по решению суда в декабре 2013 года) «для объявления осужденному».

В жалобах Петр Кучура требовал прокурорского реагирования в адрес Могилевского межрайонного отдела Следственного комитета за несвоевременно начатую проверку по факту отравления его хлоркой в ИК-15, что сделало невозможным наказание виновных сотрудников колонии. Но содержание ответов из этих органов, к сожалению, не стоит таких усилий осужденного и его жены – это отписки, в которых суть их многочисленных жалоб сводится на нет.

«Больше всего удивляет ответ из Управления Следственного комитета по Могилевской области, в котором пишут, что мое заявление не содержало сведений о признаках состава какого-либо преступления. Этот ответ касается заявления, поданного мною 5 ноября 2013 года. Оно о том, что моего мужа, как я считаю, пытали хлоркой в камере ШИЗО ИК-15, о тех муках, которые он перенес после этого, о том, что ему не выдавались вовремя лекарства, что при его заболевании могло привести к летальному исходу. Но, как ни странно, СК пишет, что, оказывается, о преступлении мы не сообщали», - говорит Людмила Михайловна.

Также в своем первом заявлении, от 5 ноября 2013 года, она просила провести медицинскую экспертизу для установления факта отравления мужа хлором и последствий этого отравления для его здоровья.

«Но в ответе из прокуратуры игнорируется тот факт, что я изначально требовала проведения судебно-медицинской экспертизы. Исходя из этого ответа, зашевелились лишь когда началась проверка уже по распоряжению Генпрокуратуры и СК, о которой меня оповестили 28 мая 2014 года. И я считаю, эта проверка была начата после того, как мы направили жалобу в Комитет по правам человека ООН. Потому что 16 и 18 мая 2014 года из УСК по Могилевской области и Генпрокуратуры мне пришли ответы о том, что никакой проверки не будет, так как это неоднократно проверялось и никакого состава преступления со стороны работников ИК-15 не установлено, а через неделю вдруг приходит сообщение о том, что будет начата проверка по 174-й статье УПК», - рассказывает жена осужденного.

Возникает вопрос: кто-нибудь из представителей Следственного комитета и прокуратуры готов признать просительную часть ее жалобы от 5 ноября 2013 года, где все расписано буквально - и о виновных в причинении вреда здоровью лицах, и о необходимости судебно-медицинской экспертизы.

Прокурор города Могилева сообщил в ответе Петру Кучуре: «Из материала проверки усматривается, что в Вашем организме отсутствуют какие-либо изменения состояния здоровья, имеющие очевидную причинную связь с событиями Вашего нахождения в помещении ШИЗО ИУ «ИК №15» в сентябре 2013 года, на которые Вы и Ваша супруга ссылаетесь в своих обращениях». Обращает внимание то, что, говоря о состоянии организма, прокурор избегает слова «экспертиза», заменяя его абстрактным «проверка». Действительно, никакого медицинского обследования пострадавшего не проводилось, во избежание этого были исследованы лишь медицинские документы, а не его организм.

И Следственный комитет, и прокуратура умалчивают о Сообщении о невозможности дачи заключения №1368А из Могилевского областного управления Госкомитета судебных экспертиз, которое лишь лишний раз подтверждает несвоевременность проверки, начатой следователем Сковородкиным П.Л. 27 мая 2014 года.

«… Биообъекты для исследования целесообразно отбирать в первые часы, иногда сутки, после контакта с отравляющим веществом. Для установления факта химической травмы необходимо было своевременно произвести забор проб воздуха в помещении для установления в них концентрации токсических веществ (в частности хлора) и провести медицинское обследование пострадавшего», - сообщает эксперт.

«Интересно, что при этой проверке на судебно-химическую экспертизу у мужа взяли анализ мочи и крови 8 декабря 2014 года, а отравление было 19 сентября 2013 года. Что может остаться в крови и моче после более чем года со дня отравления организма? И что мешало сделать экспертизу в то время, когда мы об этом просили в заявлении от 5 ноября 2013 года? – говорит Людмила Кучура. - Тогда нам было отказано – потому, я считаю, что все прекрасно знали: если провести судебно-медицинскую экспертизу, то следы отравления парами хлора в организме выявятся. Потому нам и давали ответы об отказах в возбуждении уголовного дела (из-за чего и в суд обращаться пришлось) - чтобы потянуть

время. А последующую проверку с судебно-медицинской «экспертизой» я уже считаю фикцией».

Насчет полученных ответов из могилевской прокуратуры и СК жена осужденного отмечает: «Ни на один поставленный нами вопрос не дан ответ – вода водой. Меня удивляет, что эти ответы пишут юристы».

«Все хотят скрыть преступление, которое совершено сотрудниками ИК-15 города Могилева, и таким способом стараются замять дело о пытках», - говорит Людмила Кучура, утверждая, что это ее не остановит и она намерена далее добиваться справедливости.

В июле 2015 года Следственный комитет Беларуси отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников могилевской ИК-15, пытавших Петра Кучуру хлоркой в ШИЗО колонии. Но, сообщая об этом осужденному, представитель СК пишет о "нарушении санитарных норм". Об этом ПЦ "Весна" рассказала жена осужденного Людмила Кучура, получившая от мужа переписанный от руки ответ из республиканского СК. С некоторых пор все ответы на жалобы стали приходить осужденному «для объявления», копий на руки ему не выдают – возможно, чтобы отбить желание дальнейшего обжалования. Но, как отмечает его жена, учитывая годы ее противостояния этой власти, они не ожидали уже никакого ответа.

Начальник главного управления процессуального контроля СК РБ Сергей Паско сообщил Петру Кучуре, что "изучение материалов проверки в ГУПК показало, что она проведена неполно, без выполнения всех проверочных мероприятий, направленных на всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств, в связи с чем 27.07.2015 постановление старшего следователя Сковородкина П.Л. от 08.12.2014 об отказе в возбуждении уголовного дела отменено, даны письменные указания" и "о результатах будете проинформированы в установленные законом сроки".

В какие-либо "результаты" Людмиле Кучуре, прошедшей не один круг обжалования постановлений следователя Сковородкина, уже не особо верится: “Будем ждать, что нам напишет Сковородкин. У нас же так в стране: на кого мы жалуемся – тот нам и дает ответ. Думаю, сейчас получим какой-нибудь очередной его отказ”.

Неверие жены осужденного не безосновательно, соглашаются правозащитники из ПЦ “Весна”.

“Изучение материалов проверки показало, что 08.11.2013 в УСК от Вашей супруги – Кучура Л.М., поступило заявление о допущенных, по ее мнению, со стороны администрации “ИК-15” нарушениях санитарных норм при содержании Вас в ШИЗО “ИК-15”, регулярности выдачи Вам медикаментов. В данном обращении не содержалось каких-либо сведений о совершенных преступлениях, в связи с чем оно обоснованно направлено для рассмотрения по существу в УДИН МВД РБ по Могилевской области (далее - УДИН МВД). По результатам данного заявления, УДИН МВД проведена служебная проверка”, - пишет Сергей Паско Петру Кучуре: эту легенду органы Следственного комитета уже излагали – на предшествующих этапах . В ответе из УСК по Могилевской области понятие бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (что, собственно, Людмила Кучура и описывала в жалобе по факту отравления мужа хлоркой в ИК-15) было подменено “нарушением санитарных норм” и (несмотря на то, что она требовала проведения

проверки по этому вопиющему факту и принятия процессуального решения в отношении администрации и персонала ИК-15, чьи действия имели признаки уголовно наказуемого деяния) сообщалось, что о преступных действиях она не заявляла.

"Более всего удивляет, что и теперь вот в ответе из ГУПК Следственного комитета сказано такое. Я в своем заявлении от 5 ноября 2013 года просила провести проверку, в ходе которой назначить судебно-медицинскую экспертизу для выявления в организме моего мужа следов отравления хлоркой, что позволило бы установить сам факт жестокого и бесчеловечного обращения. И мы на это постоянно указываем во всех своих жалобах, но почему-то никто не хочет читать эти строки", - говорит Людмила Михайловна.

Действительно, то ли сотрудники Следственного комитета, дающие ответы на жалобы Кучуры, читать не умеют, то ли берегут "честь мундира". Но если предшественник Сергея Паско на посту начальника главного управления процессуального контроля СК РБ Михаил Алешкин сразу "не видел оснований" для привлечения к ответственности сотрудников могилевской колонии, то Паско сообщает, что "изучение материалов проверки в ГУПК показало, что она проведена неполно, без выполнения всех проверочных мероприятий, направленных на всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств".

В августе 2015 года было вновь вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела; вновь для получения и копирования его текста потребовалось много времени и усилий осужденного.

Дело Игоря Птичкина

05.03.2015 мать Игоря Птичкина, который умер в СИЗО на Володарке 4 августа 2013 года, получила ответ на свое обращение в Следственный комитет Беларуси, в котором просила сообщить результаты предварительного расследования причин гибели ее сына, выдать справку о причине смерти, а также ответить на вопрос, отстранялись ли от выполнения своих обязанностей в период предварительного следствия по уголовному делу должностные лица СИЗО №1.

Это обращение было отправлено 15 января, а в Следственный комитет поступило лишь 9 февраля, и 12 февраля начальник управления по расследованию преступлений против порядка выполнения воинского долга Главного управления Следственного комитета Республики Беларусь В. Гриц подготовил ответ.

Жанну Птичкина проинформировали, что при желании она может получить копию постановления о прекращении предварительного расследования, при этом напомнили, что "Вы установленным порядком предупреждены о недопустимости разглашения данных предварительного следствия. Вместе с тем, законом не запрещается обсуждение известных Вам данным следствия с Вашим представителем [адвокатом]".

Таким образом, у женщины практически не осталось возможностей получить квалифицированную правовую помощь при составлении жалоб по делу, поскольку для этого требуется раскрытие некоторых данных предварительного расследования. Не может Жанна Птичкина ознакомить с ходом расследования и журналистов, или других

заинтересованных лиц, чтобы придать делу гласность и тем самым заставить следственные органы провести расследование качественно и непредвзято.

В ответе также сообщается: "В период предварительного следствия по уголовному делу должностные лица СИЗО №1 от исполнения служебных обязанностей не отстранялись". «Так о каком всестороннем и непредвзятом расследовании обстоятельств происшествия может идти речь, если для этого не было создано необходимых надлежащих условий, а лица, которые в той или иной степени были причастны к гибели человека, оставались на своих местах!» - задаётся риторическим вопросом женщина.

Проверка по факту гибели в СИЗО г. Минска заключенного И.Птичкина длилась с августа 2013 года. В смерти парня обвиняли фельдшера минского СИЗО № 1, который дежурил в ночь смерти. Было возбуждено уголовное дело за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медработником, что повлекло за собой по неосторожности смерть пациента. Затем предварительное расследование по уголовному делу в отношении медицинских работников СИЗО было прекращено.

Жанна Птичкина убеждена, что следствие сконцентрировалось только на доказательстве причастности погибшего к незаконному обороту наркотиков и категорически не согласна с выводами следствия. Результаты повторной медицинской экспертизы, с которыми она ознакомилась, показали, что в крови сына не найдено данных о потреблении наркотических или психотропных веществ, а также алкоголя. Однако длительное время ни она, ни ее адвокат не допускались к ознакомлению с материалами завершенной по делу проверки.

Житель Минска Игорь Птичкин умер в Минском СИЗО 4 августа 2013 года от остановки сердца, но причина этого в ходе экспертизы тела умершего не выявлена. Родственники Игоря Птичкина высказывали мнение, что он умер от побоев охранниками, и отмечали многочисленные травмы на теле покойного, которые были зафиксированы на фотографиях.

Не согласившись с ответом, полученным из Главного управления Следственного комитета Беларуси, Жанна Птичкина подала жалобы на имя председателя Следственного комитета и Генеральному прокурору Республики Беларусь.

"Память моего сына вываляли в грязи усилиями пресс-службы Следственного комитета. Так дайте мне, его матери, возможность возразить на их доводы. Это никак не затрагивает интересы государства и права граждан"- призывает высоких чиновников мать умершего.

По результатам ознакомления с материалами прекращенного уголовного дела были составлены и поданы жалобы потерпевшей, которые удовлетворены Генеральной прокуратурой Беларуси. В ответе указано, что Постановление о прекращении уголовного дела от 29.12.2014 отменено и дело вновь направлено в Следственный комитет Республики Беларусь на новое рассмотрение. Кроме того, в Следственный комитет также переданы дополнительные материалы, предоставленные Жанной Птичкиной, для ознакомления и приобщения их к делу. Правозащитники ПЦ «Весна» отмечали, что Игорь Птичкин перед смертью испытывал страдания от действий сотрудников СИЗО. Каких

именно действий – следствием засекречено: Жанне Птичкиной запрещено рассказывать об этом под страхом уголовного наказания.

Действия сотрудников СИЗО, лиц, действовавших в официальном качестве, причиняющие страдания заключенному, безусловно, являются актом запрещенного жестокого, бесчеловечного обращения. Каждое государство, в том числе Беларусь, должно предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией, обязуется предотвращать другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые не подпадают под определение пытки

При этом начальник управления Генеральной прокуратурой И. Севрук отказал заявительнице в предоставлении копии постановления об отмене постановления о прекращении предварительного расследования по факту смерти И. Птичкина. Причина отказа заключается в том, что «принятое решение затрагивает также интересы иных участников уголовного процесса».

Это противоречит закону и нарушает права потерпевшей: в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси, потерпевший имеет право получать от органа, ведущего уголовный процесс, уведомления о принятии решений, затрагивающих его права и интересы, а по его просьбе также бесплатно получать копии этих решений. Чтобы определиться с терминами: орган, ведущий уголовный процесс, это орган уголовного преследования и суд; в свою очередь, орган уголовного преследования -это орган дознания, следователь и прокурор. То есть, прокурор обязан выдать копию решения, затрагивающего права потерпевшего. Отсутствие копии такого решения лишает гражданина (потерпевшего) возможности оценить принятое решение с точки зрения законности и обоснованности, а также полноты исследования обстоятельств дела и доводов жалобы. Прокурор, как орган уголовного преследования, обязан обеспечивать защиту прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, создавать предусмотренные УПК условия для ее осуществления, своевременно принимать меры по удовлетворению законных требований участников уголовного процесса. Ограничение прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, допускается только по основаниям и в порядке, установленным УПК".

К концу года следователь вновь вынес постановление о прекращении уголовного дела; продолжается ознакомление с материалами дела потерпевшей.

Ей по-прежнему под угрозой уголовного преследования запрещено разглашать любые свои доводы, вытекающие из анализа дела.

Дело Я. Ульяненкова и В. Косинерова

1 августа 2015 года сотрудники спецслужб в черной форме с автоматами и шлемами ворвались в квартиры В.Косинерова, М.Пекарского, Я.Ульяненкова. Все были задержаны и допрошены

Один из задержанных, Ярослав Ульяненков, рассказал ПЦ «Весна»: "Меня повалили на пол, заковали в наручники и стали бить ногами по телу, по голове, угрожали. Потом

таскали по всей квартире, затащили в комнату, заставили стать лицом к стене. Били по ногам, чтобы ноги стояли максимально далеко друг от друга, продолжали издеваться и избивать. После этого "маски шоу" стали уходить, а в квартиру вошли сотрудники оперативной службы и начали обыск".

Вячеслава Косинерова через какое-то время нашли в больнице с двойным переломом челюсти и под конвоем. По результатам обращения в Следственный комитет с жалобой на жестокое обращение он получил в ноябре 2015 года сообщение о возбуждении уголовного дела по факту нанесения менее тяжкого телесного повреждения при жестком задержании его сотрудниками СОБР (специальный отряд быстрого реагирования внутренних войск МВД Беларуси) 11 августа этого года.

Фигурант по «делу граффитистов» вспоминает, что через две-три недели после того, как его выпустили из больницы, а сломанная челюсть все еще была зашинированная, его вызвала следователь управления по г.Минску Следственного комитета Ю. Громадская, которая очень долго и подробно расспрашивала, как происходило его задержании.

"Разными намеками пытались вывести меня на то, что возможно меня случайно зацепили,

когда открывали дверь, может я где-то там поскользнулся и сломал челюсть об лестницу, может я уже сидел дома со сломанной челюстью и ожидал налета. Понятно, что все было иначе, и я это подробно отметил. Как потом оказалось, на момент разговора следователи уже досмотрели автобус, в котором меня перевозили, и там вроде бы нашли мою кровь, а мне даже обещали сделать очную ставку с тем СОБРовцем, который меня избивал. Но потом все затихло на месяцы. И вот буквально на днях пришло сообщение о том, что все-таки уголовное дело возбуждено. Больше месяца я не мог нормально есть, и считаю, что это нужно квалифицировать как тяжкие телесные. У меня до сих пор остается угроза инвалидности, вот недавнего было воспаление в месте перелома ", - рассказал Вячеслав Косинеров.

Дело заключенного J.

В ПЦ «Весна» попало обращение родственников пожизненно осужденного J, который в своем письме с использованием средств тайнописи сообщал: «Мама, если не затруднит, напиши заявление в прокуратуру (Ген) на привлечение к уголовной ответственности за регулярные избиения в бане инспектора Х-о и П-а, в ходе чего сломали палец и не оказали никакой медицинской помощи, он так и сросся в кривом виде. У многих поломаны ребра. При приезде [прокурора] я все подробно с фактами укажу». Обращаться в Следственный комитет указанный осужденный посчитал нецелесообразным, в том числе в связи с тем, что факты избиения не повторялись. Однако для того, чтобы привлечь внимание к своим проблемам заключенный был вынужден демонстративно наносить себе повреждения, поскольку жалобы осужденного не попадают не только уполномоченным органам, но и, по мнению осужденного, даже начальнику тюрьмы.

Дело Павла Рослякова

1 сентября 2015 года в ходе проведения разбирательства по поводу хищения имущества Мигунова Д.А. в помещении ОВД администрации Октябрьского района г.Витебска сотрудники милиции нанесли П.Рослякову несколько ударов: в область левого уха, в область грудной клетки, по щекам и ушам с целью получить признание в совершении преступления. Постановлением следователя второго следственного отделения Витебского городского отдела Следственного комитета Республики Беларусь ст.лейтенанта юстиции Марьянкова А.С. от 29 октября 2015 года отказано в возбуждении уголовного дела по результатам проверки, проведенной по заявлению Рослякова.

Утверждения Рослякова подтверждаются выводами судебно-медицинской экспертизы: эксперт установил, что при обследовании в период времени с 14 до 14.30 2 сентября 2015 года у него обнаружены телесные повреждения в виде кровоподтеков на левом ухе, на передней поверхности грудной клетки, которые образовались не менее, чем от двух травмирующих воздействий в срок до суток до осмотра экспертом.

В соответствии с заключением дополнительной судебно-медицинской экспертизы данные повреждения относятся к категории легких телесных. По мнению эксперта, их локализация не характерна для их образования при падении с высоты собственного роста на плоскую поверхность.

Из объяснений оперуполномоченного уголовного розыска Григорьева С.И. следует, что какие-либо видимые телесные повреждения у задержанного отсутствовали; на обстоятельства, при которых у него могли появиться подобные повреждения, он не указывал, отрицая факт причинения Рослякову телесных повреждений сотрудниками милиции.

Об обстоятельствах причинения телесных повреждений Росляков сообщил своему отцу – Рослякову В.М.

В обоснование постановления положены объяснения лица, которое заинтересовано в исходе дела – Мигунова Д.А., который обвинил Рослякова в краже своего имущества.

Он указал на то, что присутствовал при устном опросе Рослякова – «предварительной беседе», который проводил оперуполномоченный Григорьев С.И., и Росляков вел себя вопреки здравому смыслу – имитировал приемы борьбы и падал на пол.

После этого он же якобы видел и слышал процесс опроса Рослякова, что дало ему основание утверждать, что насилие к нему не применялось.

Эти объяснения должны были критически оценены, поскольку противоречат утверждениям Рослякова, выводам судебно-медицинских экспертиз, которые, в свою очередь, его объяснения подтверждают и практически исключают такой способ нанесения телесных повреждений, как описал Мигунов – путем падений на поверхность.

Мигунов также утверждал, что в кабинет неоднократно заходили другие сотрудники милиции. При проведении проверки опрошен только один - Дашенко В.В. Как пояснял в заявлении Росляков, в кабинете находились еще трое сотрудников милиции, и они должны быть установлены и опрошены. Их объяснения должны быть правильно оценены, поскольку они были как минимум, свидетелями противоправного поведения своего коллеги при исполнении им своих должностных обязанностей.

Начался процесс обжалования незаконного постановления.

Дело А. Бондаренко

Правозащитный центр «Весна» обратился к начальнику Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по вопросу условий содержания в заключении бывшего главы «Платформ инновейшн» Андрея Бондаренко.

Правозащитники отмечают, что "Бондаренко Андрей Валерьевич, бывший руководитель Информационно-просветительского учреждения «Платформа» и ликвидированного частного культурно-просветительского учреждения «Платформа инновейшн», известный в Беларуси и за ее пределами правозащитник, отбывает наказание в виде лишения свободы в ИК-17 г. Шклова. С начала отбывания наказания, сначала в ИК-2 и после - в ИК-17, возникла опасность для жизни и здоровья А.Бондаренко, в связи с чем он неоднократно помещался в так называемое безопасное место, а фактически - в изолированную камеру. Это произошло в связи с попустительством администраций колоний установлению среди заключенных неформальных отношений, позволяющих создавать условия для жестокого, унижающего обращения с отдельными осужденными".

Правозащитники напомнили начальнику ДИН МВД Сергею Дорошко, что государство гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов осужденных, обеспечивает установленные законом условия применения наказания и иных мер уголовной ответственности в отношении осужденных, гарантии социальной справедливости, их социальную, правовую и иную защищенность. Осужденные имеют право на личную безопасность. При возникновении угрозы личной безопасности осужденного, он вправе обратиться с заявлением об обеспечении личной безопасности к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание. В этом случае должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности осужденного.

Начальник учреждения принимает решение о переводе осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности осужденного.

ПЦ "Весна" считает возможным утверждать, что "из всех возможных мер администрация вышеупомянутых колоний совершила только одну, которая не решает проблемы осужденного и правопорядка в колониях в целом, которая ограничивает степень его свободы относительно правил отбывания наказания в виде лишения свободы. Руководство колонии, вместо защиты прав заключенного правозащитника, формально и без учета особых условий, созданных некоторой частью заключенных для А. Бондаренко, в отсутствие надлежащего контроля администрации колонии, отреагировала на формальное нарушение им дисциплинарных правил. А. Бондаренко получил несколько дисциплинарных взысканий, стал «злостным нарушителем» порядка отбывания наказания, в результате чего был лишен права на амнистию. Более того, администрация колонии выразила намерение ужесточить условия его содержания - поместить в тюрьму", - говорится в обращении.

Как это отмечено в Руководящих принципах по защите правозащитников БДИПЧ ОБСЕ, правозащитники подвергаются особому риску и часто становятся жертвами серьезных злоупотреблений из-за своей правозащитной деятельности. Вследствие этого они нуждаются в особой и усиленной защите на местном, национальном и международном уровнях. Некоторые группы правозащитников подвергаются повышенному риску ввиду особого характера своей работы, вопросов, которыми они занимаются; условий, в которых они ведут свою деятельность; своей принадлежности к определенной группе или связи с ней.

Правозащитный центр «Весна» расценил развернутую травлю Андрея Бондаренко в колонии как недопустимую и непосредственно связанную с его предыдущей правозащитной деятельностью.

Правозащитный центр «Весна» призвал:

- прекратить необоснованное преследование А. Бондаренко со стороны администрации колонии;

- провести проверку условий содержания осужденного А. Бондаренко;

- обязать колонию создать безопасные условия содержания осужденного А А. Бондаренко, которые бы не унижали его человеческое достоинство;

- разрешить встречу А. Бондаренко с представителями правозащитных организаций.

Обращение от имени Правозащитного центра "Весна" подписал председатель организации Алесь Беляцкий.

После того, как в ДИН поставили под сомнение право ПЦ «Весна» и его председателя обращаться в защиту других лиц в государственные органы, МВД было проинформировано о том, что Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принятая резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 года в статье 9 предусматривает, что при осуществлении прав человека и основных свобод каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет, в частности, право:

a) в связи с нарушениями прав человека и основных свобод в результате политики и действий отдельных должностных лиц и государственных органов подавать жалобы или иные соответствующие обращения в компетентные национальные судебные, административные или законодательные органы или в любой другой компетентный орган, предусмотренный правовой системой государства, которые должны вынести свое решение по данной жалобе без неоправданной задержки;

b) присутствовать на открытых слушаниях, разбирательствах и судебных процессах с целью сформировать свое мнение об их соответствии национальному законодательству и применимым международным обязательствам и принципам;

c) предлагать и предоставлять профессиональную квалифицированную правовую помощь или иные соответствующие консультации и помощь в деле защиты прав человека и основных свобод.

Фото камеры в СИЗО-1, где в период следствия, по данным ПЦ «Весна», содержался А.Бондаренко

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ АДМИНИСТРАТИВНО-АРЕСТОВАННЫХ. ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЗАДЕРЖАННЫМИ

12 мая 2015 общественный активист Леонид Кулаков отбыл 7 суток административного ареста в Смолевичском ИВС за участие в пикете возле Кургана Славы, а 29 июля он добровольно пришел в Изолятор временного содержания Минского района по улице Скорины, чтобы отсидеть срок за акцию в знак солидарности с Юрием Рубцовым.

Условия в Смолевичском ИВС он описывал так:

«В камере, где я содержался, отсутствовали предусмотренные законом оборудование и инвентарь: бачок с питьевой водой, тумбочка для хранения туалетных принадлежностей, сетевой радиоприемник, вентиляция, телевизор, настольные игры. Кровать была металлическая, изготовленная из четырех полос, не позволяющих нормально лежать на нем и полноценно отдыхать; матрас был тонкий и неопрятный.

В камере не хватало свежего воздуха, было темно, стоял неприятный запах, сохранялась очень низкая температура. Пол камеры был бетонный, на нем хранились продукты.

Санузел в камере отсутствовал, вместо него стояло ведро, что не позволяло справлять естественные потребности в условиях пристойности. Его позволяли выносит один раз в 12 часов.

Мне не было предоставлено возможности воспользоваться душем.

Меня ни разу не вывели на прогулку.

Питание, которое выдавали, было недостаточным и отвратительным по качеству. Принимать пищу при таком запахе из ведра с нечистотами было невозможно.

Освещалось помещение тусклая лампочка; естественный свет не поступал, поскольку камера находилась в полуподвале.

Все изложенное является нарушением правил, определяющих условия содержания административно арестованных, причиняло мне физические страдания, унижало честь и достоинство».

В ноябре 2015 года он получил ответ на свое обращение в прокуратуру этого же района: "Изложенные в Вашей жалобе доводы о нарушениях законодательства о материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении лиц, содержащихся в ИВС Смолевичского РОВД по итогам проведенной прокуратурой Смолевичского района проверки своего подтверждения не нашли".

Однако до этого Управление надзорно-исполнительной деятельности Министерства внутренних дел Беларуси сообщило Кулакову: "по Вашему обращению о нарушениях условий содержания, неудовлетворительном санитарном состоянии, а также материально-техническом обеспечении в изоляторах временного содержания Минского и Смолевичского РОВД и несогласии с принятым УВД Минского облисполкома решением, управлением надзорно-исполнительной деятельности МВД Республики Беларуси проведена срочная проверка. В ходе проверки установлено, что отдельные недостатки в материально-техническом обеспечении ИВС Смолевичского РОВД были обусловлены объективными причинами и не являлись следствием недобросовестного отношения к выполнению служебных обязанностей сотрудниками ИВС ... В 2015 году в ИВС Смолевичского РОВД проведены работы в виде замены внутренних сетей канализации, водопровода и горячего водоснабжения; внутренней отделки помещений санпропускника и комнаты подогрева пищи (штукатурка, покраска стен и потолка, облицовка стен плиткой, укладка пола плиткой «ГРЭС»).

В настоящее время завершены работы по монтажу в камерах ИВС столов и скамеек из посадочных мест по количеству мест в камерах, а также тумбочками для хранения туалетных принадлежностей".

Вот как Л.Кулаков описал условия содержания в ИВС Минского района, расположенного в г. Минске:

«Права и обязанности административно задержанного мне не разъяснялись, я подписал что-то не прочитав, из-за отсутствия очков. Средств личной гигиены мне не выдали. Не было даже полотенца.

В камере, где я содержался, отсутствовали предусмотренные законом оборудование и инвентарь: бачок с питьевой водой, тумбочка для хранения туалетных принадлежностей, сетевой радиоприемник, вентиляция, телевизор, настольные игры. Кровать была металлическая, изготовленная из металлических полос, не позволяющих нормально лежать на нем и полноценно отдыхать; матрас был тонкий и неопрятный. Искусственное освещение отсутствовало: лампочка в камере перегорела, ее никто не менял; естественный свет едва поступал.

В камере не хватало свежего воздуха, было темно. Пол камеры был бетонный.

Санузел в камере оборудован таким образом, что отправлять естественные надобности в условиях пристойности было невозможно. Умывальник в камере отсутствовал, его роль выполнял шланг, свисающий над дыркой туалета, что делало процесс умывания отвратительным.

Мне не было предоставлено возможности воспользоваться душем.

Меня только один раз вывели на прогулку на 15-20 минут.

Питание, которое выдавали, было недостаточным и низким по качеству. На завтрак выдавали только чай без сахара и хлеб. На тарелках и столовых приборах были следы старой невымытой пищи.

Все изложенное является нарушением правил, определяющих условия содержания административно арестованных, причиняло мне физические страдания, унижало честь и достоинство».

Дмитрий Федорук, один из болельщиков сборной Беларуси, которого задержали 12 октября 2015 года на матче в Борисове и продержали почти сутки в Борисовском РОВД, пожаловался на условия содержания в местном изоляторе временного содержания. Ответ, который получил активист из Республиканского центра эпидемиологии, только подтвердил его слова об ужасных условиях, в которых вынуждены находиться люди в ожидании суда или под арестом:

"При осмотре помещения камерного типа, - сообщается в ответе Республиканского центра эпидемиологии Департамента финансов и тыла МВД Беларуси, - было установлено: "санитарно-техническое состояние камеры неудовлетворительное, на стыке стены и потолка около окон имеются следы влаги, санитарно-техническое оборудование крайне изношено. Умывальник неисправен. В одном из двух окон отсутствует стекло. Оконные рамы изношены. Естественное освещение ... недостаточное. Капитальный ремонт запланирован на 2015 год, но в связи с отсутствием финансирования перенесены на более поздние сроки ...

По результатам мониторинга, проведенному в связи с вашим обращением начальнику Борисовского РОВД вынесено предписание об исправлении нарушений, а также было указано на недостаточный контроль за соблюдением санитарно-гигиенического и эпидемиологического режима в камерах».

Федорук после суда сообщал журналистам, что почти сутки болельщики отсидели без питьевой воды, так как вода в камере была ужасной. В камере было два заколоченных окна, одно из стекол было разбито, поэтому было чрезвычайно холодно, и они не могли нормально уснуть.

ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Опубликован подготовленный Министерством иностранных дел Республики Беларусь Национальный доклад к универсальному периодическому обзору (второй цикл).

Универсальный периодический обзор (УПО) – механизм Совета ООН по правам человека, обзор ситуации с правами человека во всех странах мира. Беларусь прошла первый цикл УПО в Совете ООН по правам человека в 2010 году. Из девяноста трех высказанных в процессе УПО рекомендаций Беларусь приняла семьдесят четыре; в 2012 году Беларусь представила в Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека промежуточный отчет о реализации рекомендаций первого цикла УПО. Этот отчет подвергался анализу в рамках проведения мониторинга положения заключенных . В сентябре 2014 года белорусские правозащитники направили в Совет свои материалы для процедуры УПО

Вопросам, которые ранее изучались в ходе мониторинга положения граждан в местах принудительного содержания, проводимым ПЦ «Весна», в докладе посвящено несколько пунктов. Представляется принципиально важным объективно оценить соответствие действительности представленных в докладе сведений и полноту освещения проблемы государством в лице Министерства иностранных дел.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПЫТОК, ФАКТОВ ЖЕСТОКОГО, БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО, УНИЖАЮЩЕГО ОБРАЩЕНИЯ

Как указано в п. 165 доклада, «в Беларуси действует четкий механизм выявления и реагирования на все случаи жестокого и бесчеловечного отношения к задержанным и находящимся под стражей лицам. Действующие процессуальные нормы и правила позволяют надзирающим и иным органам обеспечить незамедлительное объективное и всестороннее рассмотрение такого рода жалоб путем проведения доследственных и служебных проверок, по результатам которых при наличии оснований возбуждаются уголовные дела». Действительность такова, что в местах принудительного содержания задержанных, обвиняемых, осужденных в не выстроена система передачи письменных обращений заключенных непосредственно независимому органу, который уполномочен осуществлять расследование случаев пыток и жестокого, бесчеловечного, унижающего обращения. Указание в законе о том, что такие обращения не подлежат цензуре, регулярно не выполняется: есть многочисленные свидетельства того, что в местах лишения свободы существует практика задержки жалоб осужденных, направляемых в связи с нарушением их прав; негласно поддерживаемое правило передачи таких обращений в незапечатанном конверте. Законом запрещено под угрозой наказания передача таких обращений иным способом, в частности, через адвокатов и родственников.

Обращения заключенных в адрес прокуратуры с жалобами на жестокое обращение со стороны персонала мест заключения, как правило, пересылаются в территориальные подразделения Департамента исполнения наказаний Минстерства внутренних дел. Такая

практика сформировалась под влиянием Указа Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» от 15.10.2007 № 498, в соответствии с которым обращения граждан независимо от того, в какой государственный орган или иную организацию они поступили, первоначально подлежат рассмотрению по существу в соответствии с компетенцией в государственных органах, ответственных за рассмотрение обращений по существу в отдельных сферах жизнедеятельности населения. В частности, вопросы исполнения уголовных наказаний отнесены к компетенции управлений Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел по областям, по г. Минску и Минской области.

В ПЦ «Весна» исследовались процедуры обжалования действий сотрудников МВД в отношении заключенных.

Так, по делу осужденного П.Кучуры в связи с отравлением в сентябре 2014 года в ИК-15 г.Могилевапарами хлорной извести его женой было направлено соответствующее заявление в подразделение Следственного комитета Республики Беларусь. Проверка по этому заявлению начата Могилевским межрайонным отделом Следственного комитета Республики Беларусь 27.05.2014 года, тогда как заявление об этом было направлено 5 ноября 2013 года. Начальник управления по Могилевской области Следственного комитета Республики Беларусь первая жалоба от 11.11.2013 года была направлена для рассмотрения по существу в соответствии с компетенцией в Департамент управления наказаний МВД Республики Беларусь. Действия начальника управления по Могилевской области Следственного комитета Республики Беларусь были обжалованы в Следственный комитет Республики Беларусь, который нарушений в действиях должностного лица не нашел и в удовлетворении жалобы отказал (ответ от 4.12.2013 года). Жена П.Кучуры обращалась также в суд с жалобой на действия должностных лиц Следственного комитета, но жалоба осталась без рассмотрения. После того, как она направила многочисленные жалобы в различные инстанции, в том числе, неоднократно в Генеральную прокуратуру, в последней, наконец, усмотрели основания для начала проверки. Итого, через почти девять месяцев после случившегося, проверка была формально начата. К тому моменту с дня отравления прошло более полугода. К настоящему времени - четырнадцать месяцев; вынесенные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела отменены пять раз с указанием на неполноту проверки; до сих пор П.Кучуру вопреки практике, установленной Стамбульским протоколом, ни разу не осмотрел эксперт; заочно эксперты указывают на чрезмерно длительный срок, прошедший со времени отравления, как на обстоятельство, препятствующее установлению факта отравления.

По факту гибели административно-арестованного А.Акулича проверка по заявлению его матери начата подразделением Следственного комитета Республики Беларусь в конце мая 2012 года. По результатам проверки выносились постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, которые неоднократно отменялись по жалобам заявительницы. В результате повторного рассмотрения жалобы судом в сентябре 2014 года были установлены многочисленные недостатки проведенных проверок. В феврале 2015 года в возбуждении уголовного дела было вновь отказано. Следствие не нашло нарушений закона в действиях сотрудников милиции, которые избивали агонизирующего умирающего заключенного, пристегнутого наручниками к железной двери-решетке.

С августа 2013 года длилась проверка по факту гибели в СИЗО г.Минска заключенного И.Птичкина. Расследование уголовного дела в отношении медицинских работников СИЗО о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей, повлекших по неосторожности смерть заключенного, было прекращено. Мать умершего утверждает, что следствие сконцентрировалось на доказательстве причастности погибшего к незаконному обороту наркотиков; категорически не согласна с выводами следствия и планирует обжаловать их решение. Результаты экспертизы, с которыми она ознакомилась, показали, что в крови ее сына не было ни алкоголя, ни наркотиков. Однако до сих пор ни она, ни ее адвокат не допускаются к ознакомлению с материалами завершенной проверки. Мать погибшего предупреждена о недопустимости разглашения сведений, ставших ей известными в ходе расследования, под угрозой уголовного наказания.

Эти случаи дают повод для неудовлетворительной оценки состояния расследования случаев пыток, жестокого, бесчеловечного, унижающего обращения с заключенными, в том числе, с точки зрения соблюдения принципа незамедлительности проведения проверки.

Ни в одном из перечисленных случаев должностные лица мест принудительного содержания не отстранялись от должности на период проверки, что заставляет сомневаться в том, что следственные органы создавали условия для объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела, исключая условия для давления на свидетелей и потерпевших на этот период.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЗАДЕРЖАННЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ

Как отмечено в пунктах 166 и 167 Национального доклада к универсальному периодическому обзору (второй цикл), «Для обеспечения законности и соблюдения прав задержанного орган дознания либо следователь обязаны в течение 24 часов сообщить прокурору о задержании. При рассмотрении вопроса о целесообразности заключения задержанного под стражу прокурор обязан изучить все материалы, содержащие основания для применения такой меры пресечения, а в ряде случаев лично допросить подозреваемого или обвиняемого. Кроме того, прокуроры обязаны ежеквартально проверять законность и обоснованность задержания граждан, условия и порядок их содержания в изоляторах временного содержания.

В соответствии со статьей 108 УПК Республики Беларусь, лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано действующим в пределах своей компетенции органом уголовного преследования. Задержание может быть произведено и до возбуждения уголовного дела. По общему правилу задержание не может длиться свыше семидесяти двух часов. Однако, по подозрению в совершении ряда особо тяжких преступлений лицо может быть задержано на срок до десяти суток.

В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (ст.9), каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявляемое ему обвинение. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять

судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение.

Задержание по подозрению на срок свыше 48 часов, как правило, признается нарушением ст.9 Пакта. Так, по сообщению Жанны Ковш (Абрамовой) из Беларуси, Комитет по правам человека ООН заметил, что в контексте рассмотрения докладов государств-участников, представленных согласно статье 40 Пакта, он неоднократно рекомендовал, что срок задержания лица полицией до момента доставки такого лица к судье не должен превышать 48 часов. Для соблюдения положений пункта 3 статьи 9 Пакта любое превышение этого срока требует особого обоснования, не искажающего, однако, смысла этой гарантии. Такие нормы имплементированы и содержатся в уголовно-процессуальных законах большинства соседних с Беларусью стран. Так, в соответствии с УПК РФ по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении его не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания. В Польше, Литве, Латвии задержание может длиться до 48 часов.

В некоторых странах эти нормы еще более жесткие: в Великобритании арест, который полицейские производят по своей инициативе, длится до 36 часов, после которых задержанный должен быть доставлен в суд. Во Франции задержание длится 24 часа и может быть продлено на 24 часа с участием прокурора. В Германии правила задержания сводятся к тому, что после задержания, но не позднее следующего дня, задержанного необходимо доставить к судье.

К сожалению, Республика Беларусь до сих пор не приняла мер (и не видит в этом необходимости, очевидно) для того, чтобы мера пресечения в виде заключения под стражу (ареста) применялась по решению судьи. Прокурор не является тем лицом, которому, по смыслу ст.9 Пакта принадлежит право осуществлять судебную власть. Именно поэтому по ряду дел, рассмотренных КПЧ ООН (Сманцер против Беларуси, Беляцкий против Беларуси, др.), Комитетом установлено нарушение ст.9 Пакта, что само по себе является объективной оценкой состояния законодательства в этой части.

Полагаю, что в Беларусь в этом смысле не только не улучшила закон в этой части, но и допустила деградацию этих прав: с начала 2010 года мера пресечения в виде заключения под стражу (ареста) может быть применена не только прокурором или его заместителем либо органом дознания или следователем с санкции прокурора или его заместителя, но и Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности.

В соответствии с ч. 4 ст. 9 Пакта, «Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно». В докладе утверждается, что задержанные, заключенные под стражу и осужденные имеют право обжаловать в судебном порядке задержание, заключение под стражу, домашний арест или принудительное помещение в психиатрическое учреждение, действия и решения органа, ведущего уголовный процесс. Жалобы незамедлительно (задержанных –

в течение суток, заключенных – в течение 3 суток) подаются в суд через администрацию места предварительного заключения. Судебное постановление по жалобе может быть обжаловано в течение 24 часов.

Это нуждается в комментариях. Действительно, УПК Беларуси предусматривает возможность обжалования законности, а с января 2010 года – и обоснованности применения задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста.

Жалобы лиц, содержащихся под стражей, подаются в суд через администрацию места предварительного заключения. Администрация места предварительного заключения обязана в течение 24 часов после получения жалобы направить ее в соответствующий орган, ведущий уголовный процесс. Орган, ведущий уголовный процесс, обязан в отношении задержанного в течение 24 часов, а в отношении заключенного под стражу, – в течение 72 часов с момента получения жалобы направить ее в суд с приложением материалов уголовного дела, подтверждающих законность и обоснованность задержания, применения меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста.

Судебная проверка законности и обоснованности задержания проводится в срок не более 24 часов, а заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста – в срок не более 72 часов со времени поступления жалобы [в суд]единолично судьей.

Таким образом, минимальный срок, по истечении которого будет рассмотрена жалоба, с учетом времени пересылки документов органом, ведущий уголовный процесс, в суд составляет не менее трех суток в случае задержания, после чего жалоба вообще теряет смысл. Закон не будет нарушен, если жалоба на заключение под стражу будет рассмотрена через 8-10 дней после подачи в случае заключения под стражу.

Рассмотрение жалобы в суде производится в закрытом судебном заседании, как правило, без личного участия заключенного, что допускается законом. Поэтому можно однозначно утверждать о нарушении стандартов справедливого суда при рассмотрении вопроса о законности и обоснованности заключения под стражу или задержания. Пересмотр решений суда осуществляется также без участия заинтересованного лица.

Формулировка нормы закона трактуется как не позволяющая повторно обращаться с жалобой на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (об этом, в частности, было указано судьей в 2011 году при рассмотрении повторной жалобы на содержание под стражей кандидата в президенты Беларуси А.Санникова; жалоба была подана повторно, так как в ходе производства по делу возникли новые обстоятельства, препятствующие нахождению обвиняемого под стражей). Эта норма закона также не защищает заключенных в смысле ст.9 Пакта.

ЗАПРЕТ ПЫТОК

По утверждению авторов отчета (п.173), Уголовно-процессуальным кодексом запрещается применение пыток, жестокого, бесчеловечного либо унижающего

достоинство обращения или наказания, проведение медицинских или иных опытов без согласия. Это не совсем так: в соответствии с ч.3 ст.11 УПК, никто из участвующих в уголовном процессе лиц не должен подвергаться насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, а также без его согласия подвергаться медицинским и иным опытам. Таким образом, понятия пытки в данном нормативном акте не приводится.

Понятие пытки действительно введено в Уголовный кодекс, однако, в отличие от законодательства ряда стран, отдельной ответственности за применение пыток не предусмотрено.

Так, в УК Украины по ст.127 наказываются пытки, «то есть умышленное причинение сильной физической боли или физического или морального страдания путем нанесения побоев, мучений или других насильственных действий с целью побудить пострадавшего или другое лицо совершить действия, противоречащие их воле».

УК Казахстана содержит статью 347-1, предусматривающую уголовную ответственность за применение пыток. Под пыткой признается «умышленное причинение физических и психических страданий, совершенное следователем, лицом, осуществляющим дознание, или иным должностным лицом с целью получить от пытаемого или третьего лица сведения или признания либо наказать его за действие, которое совершило оно или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера».

В ст.166-1 УК Молдовы криминализированы умышленное причинение боли либо физического или психического страдания, представляющее собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, публичным лицом или лицом, фактически исполняющим функции публичного учреждения, либо любым иным лицом, выступающим в официальном качестве, или с ведома или молчаливого согласия указанных лиц, а также пытки, то есть любое умышленное действие по причинению какому-либо лицу сильной боли либо физического или психического страдания с целью получения от него или от третьего лица сведений или признаний, наказания его за действие, совершенное им или третьим лицом или в совершении которого оно подозревается, запугивания или принуждения его или третьего лица либо по любой другой причине, основанной на дискриминации любого характера, если такая боль или страдание причиняются публичным лицом или лицом, фактически исполняющим функции публичного учреждения, либо любым иным лицом, выступающим в официальном качестве, или с ведома или молчаливого согласия указанных лиц.

Таким образом, даже беглый анализ убеждает в том, что проблема криминализации пытки гораздо шире, чем видит себе белорусский законодатель, а действительно реальных мер по криминализации пыток и жестокого, бесчеловечного, унижающего обращения государством не предпринято.

УК Беларуси предусматривает наказание за «пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием гражданского населения» (ст.128 УК) и «принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта к даче заключения путем применения угрозы, шантажа или совершения иных незаконных

действий лицом, производящим дознание, предварительное следствие или осуществляющим правосудие», в том числе, соединенное с насилием или издевательством, а также с применением пытки (ст.394 УК).

Соответственно, за пытки или акты жестокости, совершенные по иным мотивам, чем указанные в ст.128 УК (например, в отношении заключенного, не подчиняющегося требованиям администрации тюрьмы, в отношении больных в закрытых медицинских учреждениях), или лицами, не перечисленными в ст.394 УК (например, сотрудником органа внутренних дел, формально не производящим дознание или следствие, или каким-то агентом), ответственность не наступит, или наступит по статьям, не отвечающим характеру преступления. Это никак не соответствует духу международных обязательств, принятых на себя Республикой Беларусь; тон, в котором выдержан отчет в данной части позволяет предполагать, что исследуемая проблема считается решенной, и дальнейшего продвижения по данному направлению в законодательстве не предвидится.

ОБЖАЛОВАНИЕ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Утверждение авторов отчета относительно возможности для заключенных в Беларуси обжаловать незаконные действия сотрудников мест лишения свободы заслуживает того, чтобы цитироваться полностью, так как приведенная статистика говорит об эффективности этого института лучше любой аналитики. По мнению государства, «Все заявления и жалобы касательно неправомерных действий, совершенных в отношении граждан тщательно рассматриваются и расследуются. В случае выявления нарушений виновные привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством. Так, в 2014 году Департаментом исполнения наказаний МВД Республики Беларусь зарегистрировано и рассмотрено 96 обращений граждан на неправомерные действия сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, лечебно-трудовых профилакториев МВД. Органами прокуратуры в 2011 – 2014 годах рассмотрено 158 жалоб на меры воздействия в отношении осужденных, а также лиц, содержащихся под стражей (67 в 2011 году, 35 – 2012 году, 37 – 2013 году, 19 – 2014 году). Жалобы не удовлетворены. Судами в 2012 – 2014 годах рассмотрено 15 дел по жалобам осужденных к аресту, лишению свободы, пожизненному заключению лиц, содержащихся под стражей, на применение к ним мер взыскания и по жалобам административно арестованных на применение к ним видов дисциплинарных взысканий. Жалобы признаны необоснованными».

ПЦ «Весна» в отчете по результатам мониторинга мест принудительного содержания в Республике Беларусь уделял внимание проблеме обжалования действий и решений, затрагивающих права заключенных. Как правило, заключенные обжалуют действия администрации в Департамент исполнения наказаний и его управления по областям и в прокуратуру. Количество таких жалоб – 96 за год, поступивших от более 30 тысяч заключенных в ДИН и 19 – в прокуратуру, вызывает сомнение. Хотя, на самом деле, их количества, учтенное в отчете МИД, не так важно. Важен результат: ни одно из обращений не признано обоснованным.

С большим доверием можно отнестись к статистике обращений в суд. Процедура такого обращения такова, что обычный заключенный о ней плохо знает, ею воспользоваться практически не может: жалоба подается и рассматривается по правилам гражданского судопроизводства, предусматривающим соблюдение разного рода требований к форме обращения и участия в процессе. Юридическая помощь заключенному бюджетом не авансируется; за подачу жалобы установлена государственная пошлина в таком размере, который является высоким для заключенного. Возможность освобождения от уплаты госпошлины предусмотрена лишь формально. Ну, а результат обращения в суд, собственно, тот же: жалобы оказались необоснованными.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Основные принципы обращения с заключенными*, Принцип 10:

С участием и при содействии общественности и социальных институтов и с должным учетом интересов потерпевших создаются благоприятные условия для реинтеграции бывших заключенных в общество в наиболее благоприятных способствующих этому условиях.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными*, Правило 80:

С самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем, которое ждет заключенного после его освобождения. Поэтому, ему следует помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения.

За минимальным исключением, все заключенные после отбытия наказания в виде лишения свободы возвращаются в то общество, которое они покинули на больший или меньший срок. От того, как изменятся взгляды и привычки человека, преступившего закон, и, наоборот, сколько положительных качеств и связей сохранится у него, зависит возможность реинтеграции бывшего заключенного. Однако, вчерашний заключенный, безусловно, будет иметь меньше возможностей, и поэтому нуждается в особом статусе, которым сможет воспользоваться при необходимости и который оградит его от опасностей возвращения в преступную среду.

Подготовка заключенного к освобождению и ресоциализация должна начинаться с первых дней отбытия наказания и включать в себя, как минимум, следующие аспекты:

- заключенный должен осознать преимущество честного труда как источника получения социальных благ;

- заключенный должен сохранить и преумножить имевшиеся трудовые и интеллектуальные способности;

- те из них, кто не имел профессии, должен получить ее в период отбытия наказания;

- последний период отбытия наказания должен быть посвящен активному трудоустройству и поиску жилья при необходимости;

- участие государственных институтов в решении социальных и бытовых проблем должно дополняться повсеместным поощрением государством оказания помощи заключенным со стороны неправительственных институтов;

- работа с бывшим заключенным должна преимущественно осуществляться неполицейскими структурами и быть основанной на законодательно закрепленной программе реинтеграции.

Безусловно, не все важные аспекты упомянуты, но это позволит более подробно остановиться на указанных.

Осознание заключенным преимущества честного труда может быть реальным в условиях, когда труд выполняет функцию, предусмотренную целями исправления и соответствует обязательным критериям. В частности, об этом указано в международных документах:

Международный пакт о гражданских и политических правах*, Статья 8:

(a) Никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду;

(b) В тех странах, где в виде наказания за преступление может назначаться лишение свободы, сопряженное с каторжными работами, пункт 3(а) не считается препятствием для выполнения каторжных работ по приговору компетентного суда, назначившего такое наказание;

(c) Термином “принудительный или обязательный труд” в настоящем пункте не охватываются:

(i) какая бы то ни было не упоминаемая в подпункте (b) работа или служба, которую, как правило, должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения.

Основные принципы обращения с заключенными*, Принцип 8:

Необходимо создавать условия, дающие заключенным возможность заниматься полезным вознаграждаемым трудом, что облегчит их реинтеграцию на рынке рабочей силы их стран и обяжет их оказывать финансовую помощь своим семьям и родственникам.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными*, Правило 71:

(1) Труд заключенных не должен приносить им страданий.

(2) Все осужденные заключенные обязаны трудиться в соответствии с их физическими и психическими способностями, удостоверенными врачом.

(3) На заключенных следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день.

(4) Обеспечиваемая заключенным работа должна быть, по мере возможности, такой, чтобы повышать или давать им квалификацию, позволяющую им заняться честным трудом после освобождения.

(5) Заключенных, способных извлечь из этого пользу, особенно малолетних, следует обучать полезным ремеслам.

(6) Заключенные должны иметь возможность выполнять работу по своему выбору, если это совместимо с правильным выбором ремесла и требованиями управления и дисциплины в заведении.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Правило 72:

(1) Организация и методы работы в заведениях должны максимально приближаться к тем, которые приняты за их стенами, чтобы заключенные приучались таким образом к условиям труда на свободе.

(2) Однако, интересы заключенных и их профессиональную подготовку не следует подчинять соображениям получения прибыли от тюремного производства.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Правило 73:

(1) Руководство промышленным и сельскохозяйственным производством в заведениях лучше всего возлагать на само тюремное управление, а не на частных подрядчиков.

(2) Заключенные, выполняющие работу, не контролируемую заведением, должны находиться под постоянным наблюдением сотрудников последнего. За исключением случаев, когда заключенные выполняют работу для других правительственных учреждений, работодатели должны выплачивать заведению полные ставки заработной платы, полагающейся за соответствующую работу, учитывая при этом производительность труда заключенных.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Правило 74:

(1) Правила, касающиеся безопасности и охраны здоровья свободных рабочих, должны применяться в заведениях.

(2) В случае травмы на производстве или профессиональных заболеваний заключенным следует выплачивать компенсацию. Условия этой компенсации должны быть не менее благоприятными, чем условия компенсации, предусмотренные законом для вольных рабочих.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Правило 75:

(1) Максимальная продолжительность рабочего дня или недели устанавливается законом или на основе административных постановлений, с учетом местных правил и обычаев в области условий труда для вольных рабочих.

(2) Рабочее время следует распределять таким образом, чтобы заключенные имели по крайней мере один день отдыха в неделю и располагали временем, достаточным для учебы и других видов деятельности, необходимых для их перевоспитания.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Правило 76:

(1) За свой труд заключенные должны получать справедливое вознаграждение в рамках определенной системы.

(2) В соответствии с этой системой заключенные должны иметь возможность расходовать по крайней мере часть заработанных ими денег на приобретение дозволенных предметов личного обихода и посылать часть своих заработков семье.

(3) Эта система должна также предусматривать, что часть заработанных заключенными денег остается на хранении администрации, которая передает ему эти сбережения в момент его освобождения.

Таким образом, предусмотрен полный запрет на принудительные или каторжные работы. Однако перечисленные международные документы вполне ясно свидетельствуют о том, что выполняемая заключенными работа автоматически не подпадает под эти категории. Как полагают ученые-криминологи, «Осужденных

заключенных можно обязать выполнять работу при соблюдении определенных гарантий. К их числу относятся:

наличие цели у выполняемой работы;

работа должна помочь им приобрести квалификацию, которая окажется полезной после освобождения;

заключенные должны получать оплату за выполненную работу;

условия работы должны, в основном, соответствовать тем, которые соблюдаются в гражданском обществе, в особенности это касается требований охраны здоровья и техники безопасности;

продолжительность работы не должна быть чрезмерной и должна оставлять время для других занятий»**.

Многие заключенные, особенно из числа молодых, только в местах лишения свободы приобщаются к труду. Именно поэтому очень важно, чтобы труд не потерял для них своей привлекательности. С другой стороны, большое количество осужденных попадает в заключение, имея хорошую квалификацию, и планирует по выходу на свободу вернуться к прежнему характеру деятельности.

«Работа в тюрьме может преследовать две основные цели. Первая является достаточно простой и заключается в вовлечении заключенных в постоянный распорядок дня – подъем, перемещение к месту выполнения работы, ежедневная организованная работа в течение нескольких часов вместе с другими людьми. Однако этого недостаточно. Мало смысла заставлять заключенных ежедневно идти в мастерские, где они выполняют монотонную работу, результаты которой, скорее всего, никому не нужны. Худшим примером этого является система 19 века, при которой заключенных заставляли ежедневно, в течение многих часов и безо всякой цели вращать огромные цилиндры с песком. Существует множество современных эквивалентов этой бессмысленной работы. Другой целью является развитие у заключенных чувства уверенности и навыков при выполнении работы, имеющей определенную цель, когда они чувствуют, что получают знания в той области, которая скорее всего поможет им найти работу после окончания срока заключения. Это означает, что работа в тюрьме должна быть связана с обучением, направленным на приобретение заключенными тех знаний и навыков, которые позволят им получить достаточную квалификацию для работы в традиционных отраслях, таких как строительство, техника, управление или сельское хозяйство. Возможно также обучение и новым специальностям, таким как работа на компьютере. Профессиональное обучение особенно важно для более молодых заключенных. При разработке таких программ особенно важно иметь информацию о возможностях получения работы в местных сообществах, в которые вернутся заключенные»**. Отмечается также важность предоставления женщинам доступа ко всему диапазону возможных работ в тюрьме. Их не следует ограничивать лишь такими работами, как шитье и рукоделие.

Для того, чтобы работа сохранила привлекательность для заключенных, она должна быть справедливо оплачена. В мировом опыте есть две системы оплаты работы заключенных: первая предусматривает выплату номинального вознаграждения, но не налагает на заключенного обязанности оплачивать расходы на свое содержание в тюрьме. Вторая,

признанная более прогрессивной, предусматривает выплату заключенным стандартного вознаграждения за труд наравне с «вольными» работниками и налагает обязанность участвовать в оплате содержания заключенных, возмещать вред потерпевшим.

Есть полная уверенность в том, что в местах лишения свободы Беларуси вторая модель оплаты реализована с существенными недостатками; способом, сводящими на нет ее преимущества.

Характерный довод в пользу этого – обращение бывшего заключенного А.Беляцкого в Департамент исполнения наказания, в котором правозащитник обратил внимание на следующее:

«Я работал в течение указанного времени полный рабочий день полную рабочую неделю на швейном производстве, выполняя в полном объеме порученные задания.

В соответствии с полученными мной в УП «ИК №2 г.Бобруйска» справками о заработной плате, мне начислялась заработная плата в сумме

636 492 рублей за 5 месяцев (период с 01.04.2012 года по 31.08.2012 года);

622 298 рублей за 5 месяцев (период с 01.09.2012 года по 31.01.2013 года);

586 647 рублей за 8 месяцев (период с 01.02.2013 года по 30.09.2013 года).

В соответствующий период времени минимальная заработная плата в Республике Беларусь была установлена на уровне:

Апрель - август 2012 года – от 1 000 000 до 1 104 640 рублей в месяц;

Сентябрь 2012 года – январь 2013 года – от 1 104 640 до 1 395 000 рублей в месяц;

Февраль 2013 – сентябрь 2013 года - от 1 395 000 до 1 464 790 рублей в месяц.

В соответствии со статьей 8 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, государство гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов осужденных, обеспечивает установленные законом условия применения наказания и иных мер уголовной ответственности в отношении осужденных, гарантии социальной справедливости, их социальную, правовую и иную защищенность. При исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности осужденным гарантируются права и свободы граждан Республики Беларусь с ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Республики Беларусь.

В соответствии со статьей 100 УИК, осужденные к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Размер оплаты труда осужденных, отработавших месячную норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму выработки, не может быть ниже установленного законодательством Республики Беларусь размера оплаты труда за выполнение соответствующих работ. Оплата труда осужденных при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе производится пропорционально отработанному ими времени или в зависимости от выработки».

Подводя итог, бывший политзаключенный потребовал провести проверку и установить нарушение законодательства Республики Беларусь в области оплаты труда

администрацией УП «ИК №2 г.Бобруйска» в его отношении, а также затребовал данные о нормах выработки на швейном производстве УП «ИК №2 г.Бобруйска» и проценте их выполнения им за период с 1.04.2012 по 21.06.2014 года и сведения об отработке месячной нормы рабочего времени в виде выписки из табеля учета рабочего времени за тот же период.

Эти сведения, как правило, в период работы заключенным не выдаются, поскольку выдача этих документов не предусмотрена напрямую действующим законом. Это неверно, поскольку ограничивает без должных оснований трудовые права заключенных. Учитывая уязвимое положение заключенных, им стоит без дополнительных напоминаний предоставлять полные сведения об отработанном времени, проценте выполнения трудового задания (норм выработки), проценте брака, расценках при сдельной форме оплаты, размере почасовой оплаты труда, чтобы заключенный не мог сомневаться в том, что оплата его труда произведена справедливо.

Кстати, ранее в исследовании относительно дискриминации прав заключенных в трудовой сфере уже отмечалось, что в отличие от остальных работников, заключенные не имеют никаких льгот и компенсаций при совмещении работы и учебы.

При этом именно учеба в местах заключения может стать мощным фактором подготовки осужденного к жизни после тюрьмы. Однако, в Беларуси организована лишь система профессионально-технического образования заключенных, где ведется обучение рабочим профессиям, тогда как получение образования более высокой ступени или качественное изучение иностранных языков в условиях заключения невозможны.

Порядок оказания помощи освобожденным в их трудовом и бытовом устройстве закреплен в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь. Более подробно эти нормы закреплены в Постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15.01.2014 № 15 «Об утверждении Инструкции о порядке оказания администрацией учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь помощи осужденным к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа или к лишению свободы в трудовом и бытовом устройстве»

В соответствии с УИК, не позднее чем за три месяца до истечения срока наказания осужденного администрация учреждения уголовно-исполнительной системы через территориальные органы внутренних дел и комитет по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управление (отдел) по труду, занятости и социальной защите городского, районного исполнительного комитета принимает меры по его трудовому и бытовому устройству. В отношении лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в случае необходимости их трудоустройства администрация учреждения уголовно-исполнительной системы не позднее чем за три месяца до предстоящего освобождения информирует об этом суд, территориальные органы внутренних дел и комитет по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управление (отдел) по труду, занятости и социальной защите городского, районного исполнительного комитета по месту жительства указанных лиц. Порядок оказания администрацией учреждения уголовно-

исполнительной системы помощи осужденным, указанным в настоящей части, в трудовом и бытовом устройстве устанавливается Министерством внутренних дел Республики Беларусь.

Службой социальной адаптации учреждений уголовно-исполнительной системы с осужденными со дня фактического отбывания ими наказания проводится воспитательная работа с целью подготовки их к освобождению, разъясняются их права и обязанности после освобождения.

Инвалиды I и II группы, а также мужчины в возрасте старше 60 лет и женщины в возрасте старше 55 лет при необходимости по их согласию направляются комитетом по труду, занятости и социальной защите областного, Минского городского исполнительного комитета в дома-интернаты для престарелых и инвалидов. Несовершеннолетние, не имеющие родителей, в необходимых случаях передаются органам опеки и попечительства по месту жительства несовершеннолетних для предоставления им статуса детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и для их дальнейшего устройства.

Освобожденные от отбывания наказания в виде ареста или лишения свободы обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства или работы, а также продуктами питания или деньгами на дорогу по установленным нормам.

При отсутствии необходимых по сезону одежды, обуви и средств на их приобретение освобожденные от наказания обеспечиваются одеждой и обувью бесплатно, а также им может быть выдано единовременное денежное пособие.

Освобожденные от наказания в виде ограничения свободы, ареста и лишения свободы имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

До недавнего времени последнее положение было в-основном декларативным и наполнилось в определенной степени содержанием с принятием в 2006 году Закона Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» и Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29.11.2006 № 1595 «Об утверждении Положения о порядке установления брони для приема на работу граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда», которыми бывшие заключенные отнесены к категории особо нуждающимся в социальной защите и не способным на равных условиях конкурировать на рынке труда и им обеспечены дополнительные гарантии в области содействия занятости населения.

С этого времени для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда, местные исполнительные и распорядительные органы устанавливают нанимателям независимо от форм собственности броню для приема на работу таких граждан на имеющиеся свободные рабочие места (вакансии).

Новый импульс работе с бывшими заключенными должно было, очевидно, придать Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14.04.2014 № 347 «Об утверждении Положения о порядке организации и финансирования мероприятий по трудоустройству граждан, освобожденных из исправительных учреждений, в том числе частичной компенсации затрат по оплате труда таких лиц».

В соответствии с Положением, мероприятия по трудоустройству граждан, освобожденных из исправительных учреждений, осуществляются в соответствии с законодательством в виде:

установления нанимателям брони для приема указанной категории граждан на работу;

содействия в поиске подходящей работы;

предоставления услуг по профессиональной ориентации;

направления на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации;

содействия в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности;

финансирования нанимателей – организаций любых организационно-правовых форм и индивидуальных предпринимателей, предоставляющих рабочие места для трудоустройства указанной категории граждан, путем частичной компенсации затрат по оплате труда граждан, освобожденных из исправительных учреждений.

Кардинально новым является последнее положение. За счет средств бюджета фонда социальной защиты населения Республики Беларусь осуществляется частичная компенсация затрат нанимателей по оплате труда граждан, освобожденных из исправительных учреждений, принятых на работу по направлению органов по труду, занятости и социальной защите, которые:

отбывали в исправительных учреждениях наказание, назначенное по приговору суда, не менее трех лет подряд;

зарегистрировались в органе по труду, занятости и социальной защите в качестве безработных в течение шести месяцев с даты их освобождения;

не смогли трудоустроиться на подходящую работу по независящим от них причинам в течение трех месяцев с даты их регистрации в качестве безработных или зарегистрировались в качестве безработных после прохождения профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации по направлению органов по труду, занятости и социальной защите.

Правда, устойчивого материального положения бывшему заключенному достичь, благодаря норме о возмещении затрат нанимателя не удастся: за счет средств бюджета фонда компенсируются затраты нанимателей на выплату заработной платы, не превышающем минимальную заработную плату, действующую в период, за который произведено начисление заработной платы, а также сумма обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь, начисленных на минимальную заработную плату.

При наличии граждан, освобожденных из исправительных учреждений, соответствующих требованиям Положения, орган по труду, занятости и социальной защите проводит с нанимателями, заявившими в установленном законодательством порядке сведения о наличии свободных рабочих мест (вакансий), подходящих для трудоустройства данных граждан, переговоры о возможности их трудоустройства на условиях настоящего Положения. При согласии нанимателя орган по труду, занятости и социальной защите направляет к нему граждан, профессиональные качества которых соответствуют требованиям данного нанимателя, для трудоустройства.

За достаточно короткий период действия Положения трудно сделать вывод о том, насколько достаточны и действенные меры для ресоциализации заключенных им предусмотрены. Статистика преступлений свидетельствует о снижении рецидивной преступности в 2014 году по сравнению с предыдущим годом на 6,8%. Тем не менее, из 49 943 лиц, совершивших преступления в 2014 году, 19 714 имели судимость, 30 056 не работали и не учились. На конец 2013 года в Беларуси было 10 052 осужденных три и более раз к лишению свободы. Для понимания фактического масштаба рецидива, следует иметь в виду, что в статистике не учтены лица, допустившие рецидив, но имеющие погашенную или снятую судимость.

Эти показатели заставляют говорить о сохранении проблемы эффективной ресоциализации бывших заключенных и необходимости изменять подходы к этому процессу с тем, чтобы в идеале каждый заключенный выходил на волю с определенными гарантиями трудоустройства на конкретном рабочем месте и получения при необходимости жилья.

Реализации этих идей должно способствовать предоставление осужденным права за 2-3 месяца до окончания срока длительного заключения выходить за пределы колонии для поиска работы и жилья, адаптации к условиям жизни на воле, восстановления семейных, социальных связей.

Видится, что эти нормы должны быть введены в Уголовно-исполнительный кодекс с условиями, аналогичными тем, что сопровождают предоставление возможности заключенным передвигаться без конвоя к месту работы, выезжать за пределы колонии в исключительных случаях, проживать за пределами колонии женщинам, воспитывающим детей.

*Основные принципы обращения с заключенными. Приняты резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 C (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года

Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года

** Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека. Пособие для тюремного персонала. Эндрю Койл. Издание Международного центра тюремных исследований (МЦТИ)

ЖЕНЩИНЫ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Автор пособия для тюремного персонала «Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека» Эндрю Койл (Международный центр тюремных исследований) утверждает, что во всех пенитенциарных системах мира доля содержащихся в тюрьмах женщин составляет от 2% до 8% от общего числа заключенных. Ситуация с женщинами-заключенными весьма отлична от ситуации с мужчинами, и поэтому именно ей следует уделить особое внимание. Отправляемые в тюрьмы женщины зачастую были жертвами физического или сексуального насилия, у них наблюдаются различные запущенные проблемы со здоровьем. Последствия тюремного заключения и их влияние на жизнь женщин могут быть совершенно различными.

На конец 2014 года в Беларуси в двух колониях для женщин и в колонии-поселении содержалось 2 185 осужденных. Это – 7,3% от общего количества заключенных, что приближается к верхней планке общепринятого предела численности заключенных-женщин.

Нормы, определяющие правовое положение осужденных, как правило, не учитывают пола заключенного, но имеют некоторые особенности для женщин, отбывающих наказания в исправительных колониях.

Женщины, осужденные к лишению свободы, в Беларуси отбывают наказание исправительной колонии-поселении (ИКП-21 в Ветковском районе) и в исправительных колониях (ИК-4 г.Гомель, ИК-24 в Речицком районе) в условиях общего и строгого режима; теоретически женщины могут быть направлены в тюрьму.

Как и все заключенные, женщины в исправительных колониях обязаны трудиться. Нормы трудового права распространяются на них, как и на других заключенных, лишь в определенной части, а именно в части регулирования продолжительности рабочего времени и требованиям по охране труда. Размер оплаты труда осужденных, отработавших месячную норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму выработки, не может быть ниже установленного законодательством Республики Беларусь размера оплаты труда за выполнение соответствующих работ, однако никаких доплат до минимальной заработной платы им не предусмотрено. Также оплата труда осужденных при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе производится пропорционально отработанному ими времени или в зависимости от выработки. Никаких минимальных размеров оплаты в данном случае не установлено, даже в случае простоя по вине предприятия. На практике это означает перспективу символических размеров заработной платы, особенно после вычетов на питание и коммунальные услуги.

В исправительных учреждениях, где отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, организуются дома ребенка. Закон обязывает администрацию колоний создавать в домах ребенка условия, необходимые для нормального проживания и развития детей. Осужденные женщины могут помещать в дома ребенка исправительных учреждений своих детей в возрасте до трех лет, общаться с ними в свободное от работы время без ограничений. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми в домах ребенка. Однако, это не означает, что такие женщины освобождаются от своих

обязанностей, в том числе, участвовать в работах по уборке и благоустройству без оплаты труда.

С согласия осужденных женщин их дети могут быть переданы родственникам или по решению органов опеки и попечительства иным лицам либо по достижении трехлетнего возраста направлены в соответствующие детские учреждения. Если ребенку, содержащемуся в доме ребенка исправительного учреждения, исполнилось три года, а оставшийся срок отбывания наказания матерью не превышает одного года, администрация исправительного учреждения по закону может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матерью. Однако принятие такого решения – право, а не обязанность администрации.

«Беременные женщины могут быть заключены в тюрьму только при самых исключительных обстоятельствах. Если такая необходимость возникает, то им должен быть предоставлен тот же уровень медицинского обслуживания, который имеется в гражданском обществе. При приближении времени родов таких женщин во всех случаях, когда это представляется возможным, следует переводить в гражданские больницы. Женщине это обеспечит получение профессиональной медицинской помощи, а ребенку позволит избежать клейма позора – тюрьмы в качестве места рождения. В любом случае свидетельство о рождении не должно указывать тюрьму как место рождения. Необходимые в этот период режимные ограничения должны быть настолько умеренными, насколько это возможно. Если в тюрьме содержатся беременные женщины, то тюремная администрация должна уделить максимум внимания вопросам, связанным с рождением ребенка. Проблема содержания в тюрьме матерей с младенцами является весьма чувствительной. Во многих странах матерям, находящимся в тюрьме, разрешается оставлять при себе новорожденных детей. В таком случае мать и ребенок должны жить в одном помещении, содержащем все приспособления, которые обычно могут понадобиться кормящей матери. Такая организация дела предпочтительна по сравнению с содержанием ребенка в отдельном ясельном блоке, который его мать может посещать лишь в определенные часы. Очень трудно правильно определить тот возраст, в котором детей следует разлучать с их находящимися в тюрьме матерями. Поскольку связь между матерью и ребенком имеет первостепенное значение, то существует мнение, что ребенок должен иметь возможность оставаться с матерью максимально допустимое время, возможно – до конца срока ее приговора. Противоположный аргумент состоит в том, что тюрьма является ненормальной окружающей средой, которая оказывает влияние на ребенка с самых первых лет его развития. Поэтому ребенка нельзя оставлять в тюрьме более чем на несколько месяцев после рождения. На практике некоторые тюремные администрации разрешают находящимся в тюрьме матерям оставлять детей при себе до достижения определенного возраста – 9 месяцев, 18 месяцев, 4 лет, а иногда и дольше, если ребенка больше некому отдать», - полагает на основании анализа норм международного права, психологических и социологических исследований Эндрю Койл.

В комментарии к Правилам Организации Объединенных Наций, касающимся обращению с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) подчеркивается, что Минимальные стандартные правила предлагают очень мало указаний по поводу того, как следует удовлетворять специфические нужды беременных женщин, кормящих матерей и

женщин, чьи дети сопровождают их в тюрьме. Указаний по поводу обращения с детьми, сопровождающими матерей в тюрьме, нет. Учитывая число беременных женщин и тех, кого в тюрьме сопровождают дети, необходимо предоставить более подробное руководство по обращению с ними для того, чтобы потребности и женщин, и детей в области социальной защиты, психологической помощи и здравоохранения удовлетворялись настолько полно, насколько это возможно, в соответствии с положениями международных документов. Специалисты не имеют единого мнения и не приходят к согласию в вопросе о том, должны ли дети заключенных матерей находиться с ними в тюрьме и до какого возраста. Законы, регулирующие вопрос о том, как долго дети могут оставаться со своими матерями в тюрьме, разные в разных странах мира. Тем не менее, общим является то, что при попытке разрешить сложный вопрос о том следует ли разлучать ребенка с матерью и в каком возрасте, наилучшие интересы ребенка должны приниматься во внимание в первую очередь в соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка. Следует учитывать условия в тюрьме и качество ухода, который ребенок может получить вне тюрьмы, если его не оставят с матерью. Этот принцип означает, что тюремные власти должны применять индивидуальный подход при принятии решений, в зависимости от обстоятельств, в которых находится ребенок и семья, и от того насколько доступны возможности альтернативного ухода в местном сообществе. Эти правила указывают, что применение негибкой политики при разнообразии обстоятельств часто неприемлемо. Они также подчеркивают необходимость постоянного общения между матерью и ребенком после их разделения для того, чтобы предотвратить насколько возможно ущерб, вызванный разделением

По белорусскому законодательству для беременных и кормящих женщин сделаны незначительные послабления в режимных требованиях. Осужденные беременные женщины и кормящие матери в соответствии с медицинским заключением могут получать дополнительно продовольственные посылки и передачи в количестве и ассортименте, необходимых для поддержания нормального здоровья матери и ребенка. В соответствии с УИК, осужденным беременным женщинам, кормящим матерям, наравне с несовершеннолетними, больными и инвалидами I и II группы создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания. Питание детей, находящихся с матерями в исправительных колониях, следственных изоляторах и тюрьмах, а также детей, содержащихся в домах ребенка исправительных колоний, осуществляется по нормам питания, установленным для детей, находящихся в домах ребенка системы Министерства здравоохранения.

Наравне с осужденным, освобожденным от работы по заболеванию, не работающим по не зависящим от них причинам, осужденным беременным женщинам и кормящим матерям на период освобождения от работы питание предоставляется бесплатно. Однако одежда и коммунальные услуги предоставляются им на возмездной основе.

В исправительных учреждениях, за исключением исправительных колоний-поселений, на лицевой счет осужденных, в том числе, и женщин зачисляется независимо от всех удержаний не менее 25 процентов начисленной заработной платы или иных доходов, а на лицевой счет осужденных женщин старше 55 лет, осужденных беременных женщин, осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительного учреждения, – не менее 50 процентов начисленной им заработной платы или иных доходов.

Осужденным женщинам, добросовестно относящимся к труду и соблюдающим требования режима, по мотивированному постановлению начальника исправительной колонии, согласованному с наблюдательной комиссией, может быть разрешено проживание вне исправительной колонии на время освобождения от работы по беременности и родам, а также на период до достижения ребенком трехлетнего возраста. Осужденные женщины, которым разрешено проживание вне исправительной колонии поселяются вблизи территории исправительной колонии в жилых помещениях, принадлежащих исправительной колонии, и находятся под постоянным надзором администрации исправительной колонии; они могут носить одежду, принятую в гражданском обиходе, иметь при себе деньги и пользоваться ими без ограничения; в часы от подъема до отбоя такие заключенные пользуются правом свободного передвижения по территории, границы которой определяются начальником исправительной колонии; в отличие от обычных заключенных, они имеют право отправлять и получать посылки, передачи, бандероли, мелкие пакеты, осуществлять свидания без ограничения.

В случае систематического либо злостного нарушения осужденными женщинами режима или правил поведения право на проживание вне исправительной колонии постановлением начальника исправительной колонии отменяется.

По окончании периода освобождения от работы по беременности и родам осужденные женщины привлекаются к работе по указанию администрации исправительной колонии. Это означает, что правом на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3-х лет женщины, родившие ребенка в колонии, не обладают. Женщины-заключенные освобождаются от работы с двадцати семи недель беременности на 146 календарных дней, и по истечении этого срока вновь обязаны работать.

По общему правилу, осужденные к лишению свободы могут привлекаться к выполнению работ без оплаты труда только по коллективному самообслуживанию, в том числе по уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. При этом осужденные женщины старше 55 лет, осужденные беременные женщины привлекаются к работам без оплаты труда только по их желанию. Как уже упоминалось, женщины, имеющие детей в доме ребенка колонии, от таких работ не освобождаются. К указанным работам осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от работы время. Продолжительность работ не должна превышать четырнадцати часов в неделю. Это означает, что помимо 7-8-ми часов оплачиваемой работы в день, при 6 – 7-

ми дневной рабочей неделе, заключенные, в том числе – женщины, могут трудиться без оплаты и без выходных еще в среднем 2 часа в день.

Законодательством установлено, что лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, обеспечиваются необходимые жилищно-бытовые условия, соответствующие правилам санитарии и гигиены. Норма жилой площади на одного осужденного в исправительных колониях и тюрьмах не может быть менее двух квадратных метров. Для беременных и кормящих женщин эти нормы не повышены. Такие нормы неприемлемы для любой категории осужденных и неоднократно осуждались ЕСПЧ как недостаточные. В связи с этим, в Европе нормой для осужденных считается обеспечение площадью в 4 кв. метра на одного человека.

В соответствии с Исправительным кодексом, осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, для устройства детей у родственников либо в детском интернатном учреждении может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений на срок до семи суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, а осужденным женщинам, имеющим детей-инвалидов вне исправительной колонии, – один краткосрочный выезд в год на тот же срок для свидания с ними.

Такие выезды по не разрешаются осужденным при особо опасном рецидиве преступлений; осужденным за тяжкие преступления на срок свыше пяти лет и особо тяжкие преступления, за исключением осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях-поселениях; осужденным к пожизненному заключению; осужденным, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным заключением; осужденным, больным активной формой туберкулеза; осужденным, не прошедшим полного курса лечения алкоголизма, токсикомании, наркомании, лицам, страдающим психическими расстройствами (заболеваниями). На практике сведений о возможности воспользоваться таким правом не поступало.

Осужденные к лишению свободы беременные женщины и кормящие матери имеют определенные «льготы» в случае совершения дисциплинарных проступков: такие женщины в штрафной изолятор, помещения камерного типа не водворяются и на строгий режим в тюрьме не переводятся. Однако, в их отношении могут быть применены другие виды взысканий, в том числе – лишение свидания. Это не соответствует Правилам Организации Объединенных Наций, касающимся обращению с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, по которым дисциплинарные взыскания в отношении женщин-заключенных не предусматривают запрет на контакты с семьей, особенно с детьми. Применительно к Правилу 28 (Свидания с участием детей проходят в обстановке, способствующей получению положительного опыта от посещения, в том числе в плане отношения персонала, и допускают установление непосредственного контакта между матерью и ребенком. По мере возможности, следует поощрять свидания, предусматривающие продолжительные контакты с детьми) следует внести в национальный закон особый порядок свидания женщин с детьми.

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом, специальные средства и огнестрельное оружие не применяются в отношении женщин с видимыми признаками

беременности, за исключением случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового или вооруженного нападения на работников исправительного учреждения и военнослужащих или иных действий, угрожающих жизни и здоровью граждан. Такая норма лишает защиты определенную категорию беременных женщин-заключенных – тех, чья беременность визуально не определяется, но о чьей беременности достоверно известно сотруднику органов внутренних дел. Не имплементировано в отечественный закон напрямую Правило 24 упомянутых Правил: «Средства усмирения никогда не применяются к женщинам во время родовых схваток, при родах и сразу после родов».

Нуждается в законодательном закреплении Правило 48: беременные или кормящие женщины-заключенные получают консультации, касающиеся их здоровья и питания, в рамках программы, которая разрабатывается и контролируется квалифицированным специалистом-медиком. Беременным женщинам, младенцам, детям и кормящим матерям бесплатно предоставляется надлежащее и своевременное питание и создаются благоприятные для здоровья условия и возможности для регулярного занятия физическими упражнениями.

Как отмечено в упомянутом Комментарии, «Тюрьмы не предназначены для беременных женщин и женщин с маленькими детьми. Необходимо прилагать все возможные усилия для того, чтобы такие женщины не попадали в тюрьму, при этом принимая во внимание их общественную опасность и тяжесть совершенного преступления. Признавая эти обстоятельства, Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями определил, что «использование заключения для определенных категорий правонарушителей, таких как беременные женщины или матери с младенцами и маленькими детьми, должно быть сокращено, и специальные действия должны предприниматься для исключения широкого использования заключения по отношению к этим категориям.» Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1469 (2000), «О матерях и детях в тюрьме», принятые 30 июня 2000 года, также рекомендуют разрабатывать и использовать в отношении матерей маленьких детей наказания, исполняемые по месту жительства, и избегать использования тюремного заключения».

В Беларуси законом предусмотрена и на практике действует такая форма пробации, как отсрочка отбывания наказания в отношении осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. В соответствии с кодексом, осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, отбывающим наказание в виде лишения свободы, судом может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания на период, когда они могут быть освобождены от работы по беременности, родам и до достижения ребенком трехлетнего возраста. Не стоит предполагать, что такое положение может позволить избежать наказания за серьезные преступления: отсрочка отбывания наказания не применяется к женщинам, осужденным к лишению свободы на срок более пяти лет за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Подводя итог, следует отметить следующее:

социальные и трудовые права женщин в местах лишения свободы необоснованно дискриминированы;

государству необходимо изменить законодательство для реального обеспечения защиты прав беременных женщин и кормящих матерей;

уголовное правосудие в отношении женщин должно осуществляться максимально гуманно;

лишение свободы женщин, особенно беременных и при которых есть малолетние дети, должно иметь место в крайне ограниченных случаях, когда есть уверенность, что другие наказания не достигнут своей цели.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ. УЧАСТИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ВЫБОРАХ

В соответствии с Конституцией и Избирательным кодексом Республики Беларусь, в выборах не участвуют лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения - содержание под стражей. Лишение конституционного права всех осужденных к лишению свободы, а тем более подозреваемых и обвиняемых, представляется в отношении осужденных необоснованным, а в отношении содержащихся под стражей до вынесения приговора – еще и незаконным.

Лица, которые содержатся под стражей в ожидании приговора являются по определению полноправными гражданами, ограниченными лишь в личной свободе. Подследственные заключенные в силу презумпции невиновности считаются невиновными, и с ними, в соответствии с национальными законами и международными договорами, следует обращаться соответственно.

В частности, Принцип 36 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (Принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года), гласит: задержанное лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении уголовного преступления, считается невиновным и имеет право на обращение с ним как с таковым до тех пор, пока его виновность не будет доказана согласно закону в ходе открытого судебного разбирательства, на котором оно располагало всеми гарантиями, необходимыми для своей защиты. Арест или задержание такого лица на период проведения следствия и судебного разбирательства осуществляется только в целях отправления правосудия на основаниях и в соответствии с условиями и процедурами, установленными законом. Запрещается введение ограничений в отношении такого лица, в которых нет непосредственной необходимости с точки зрения целей задержания или устранения помех для хода расследования или отправления правосудия, или поддержания безопасности и порядка в месте задержания.

Сложнее обстоит дело с правом участия в выборах осужденных заключенных, однако и по этому вопросу уже есть вполне определенная позиция:

Руководящими принципами относительно выборов (приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии, Венеция, 5-6 июля 2002 года) предусмотрено, что могут быть предусмотрены основания для приостановления действия политических прав. Вместе с тем такие основания должны соответствовать обычным условиям, при которых может производиться ограничение основополагающих прав; иными словами, они должны: быть предусмотрены в законе; соответствовать принципу пропорциональности; основываться на вынесении уголовного приговора за серьезное правонарушение. Условия лишения физических лиц права быть избранными могут быть менее жесткими, чем условия их лишения права избирать, поскольку в данном случае речь идет о занятии общественной должности, и решение лишить то или иное лицо, действия которого на этой должности

могли бы привести к нарушению более весомых общественных интересов, права быть избранным на эти должности, могло бы оказаться вполне законным.

Самое важное из того, что установлено по рассматриваемому вопросу Руководящими принципами, заключается в том, что лишение того или иного лица политических прав допускается лишь по прямому решению суда. Так, например, это обстоит в законодательстве Польши: Закон от 12 апреля 2001 года «О выборах в Сейм Польской Республики и в Сенат Польской Республики» устанавливает, что активным избирательным правом, то есть правом голосовать на выборах обладает каждый гражданин Польши, который ко дню голосования достиг 18-летнего возраста, кроме лиц, которые: лишены гражданских прав по окончательному решению суда; лишены избирательных прав по окончательному решению Верховного Суда; признаны неправоспособными по окончательному решению суда.

Между тем, человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. (Конституция Республики Беларусь). Так, статья 2 Международного Пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что «каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». В соответствии со статьей 25 Пакта, «каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, упоминаемой в статье 2, и без необоснованных ограничений право и возможность: голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей».

Комитет по правам человека ООН в Замечании общего порядка № 21 (1992) «Статья 10» указал, что «лица, лишенные свободы, пользуются всеми правами, провозглашенными в Пакте, с учетом ограничений, неизбежных для жизни в неволе».

Для понимания необоснованности ограничения избирательного права осужденных важны положения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН. В предварительных замечаниях указано, что эти Правила предназначены для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными. В Правилах указывается на то, что заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку они лишают его свободы. Поэтому, за исключением случаев, когда сегрегация представляется оправданной, или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения. В обращении с заключенными следует подчеркивать не их исключение из общества, а то обстоятельство,

что они продолжают оставаться его членами. Следует принимать меры для того, чтобы заключенные могли сохранять за собой максимум совместимых с законом и условиями их приговора прав в области их гражданских интересов.

В Итоговом Отчет Миссии по Наблюдению за Выборами БДИПЧ/ОБСЕ (по итогам парламентских выборов в Беларуси 2012 года) отмечено, что отказ в предоставлении права голосовать гражданам, находящимся в предварительном заключении, противоречит принципу презумпции невиновности, закрепленному в параграфе 5, 19 Копенгагенского Документа ОБСЕ 1990 года, а также в Статье 26 Конституции Республики Беларусь. Лишение избирательных прав всех граждан, отбывающих тюремное наказание, указывает на отсутствие пропорциональности и также противоречит параграфам принципам 7,3 и 24 Копенгагенского Документа ОБСЕ 1990 года и другим международным стандартам. В приоритетные включена рекомендация о том, что «отказ в праве голосовать или выступать кандидатом гражданам, находящимся в тюремном заключении или досудебном содержании под стражей, в независимости от тяжести преступления, следует изъять из законодательства. Любые ограничения прав избирателя и кандидата должны быть пропорциональны и четко описаны в законодательстве».

С учетом всего изложенного, необходимо немедленно исключить из Конституции Республики Беларусь и Избирательного кодекса положения, ограничивающие избирательное право лиц, содержащихся под стражей до вынесения приговора, а также предпринимать шаги по исключению необоснованной дискриминации тех, кто отбывает наказание в местах лишения свободы по приговору суда. Возможно ограничение избирательных прав лишь за тяжкие преступления против государства, которое необходимо предусмотреть в качестве отдельного в уголовном законодательстве.

Процедура принятия такого решения не представляет большой сложности для белорусского парламента: закон о внесении изменений в Конституцию Республики Беларусь может быть принят после двух обсуждений и одобрений Национальным собранием с промежутком не менее трех месяцев большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат Национального собрания. После внесения изменений в Конституцию ничто не препятствует внести соответствующие изменения и в Избирательный кодекс.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО БОЛЕЗНИ

В соответствии с частью 2 статьи 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь, лицо, страдающее иным тяжелым (помимо психического) заболеванием, препятствующим отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания или это наказание может быть заменено более мягким. При этом учитываются тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, характер заболевания и другие обстоятельства. Для того, чтобы правильно понимать и оценивать смысл такой нормы, необходимо ознакомиться с перечнем заболеваний, дающих право на такого рода судебное решение.

Перечень заболеваний, препятствующих отбытию наказания, указан в приложении к постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16.02.2011 № 54/15 «Об утверждении Инструкции о порядке медицинского освидетельствования осужденных и установлении перечня заболеваний, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания». К ним относятся, в частности, тяжелые, сочетанные или прогрессирующие формы туберкулеза; все злокачественные образования IV клинической группы; острый лейкоз; системные атрофии и воспалительные заболевания центральной нервной системы; острая и хроническая лучевая болезнь IV степени и еще несколько десятков заболеваний тяжелого либо прогрессирующего, неизлечимого характера.

Утвержденная тем же постановлением Инструкция о порядке медицинского освидетельствования осужденных определяет детали направления на освидетельствование и освидетельствования осужденных на предмет наличия тяжелого заболевания. Как закреплено Инструкцией, решение о наличии у осужденных заболеваний, предусмотренных перечнем, принимается медицинской комиссией после тщательного обследования осужденных в стационарных условиях в медицинских подразделениях учреждений уголовно-исполнительной системы или в стационарных условиях в государственных организациях здравоохранения с учетом результатов ранее проведенного лечения и установленного диагноза. Установленный диагноз должен быть подтвержден заключением квалифицированного врача-специалиста государственной организации здравоохранения или сотрудников кафедр государственных учреждений, обеспечивающих получение высшего медицинского образования и (или) повышение квалификации и переподготовку медицинских кадров. Это означает, что почти невероятен случай, при котором заключенный сможет симулировать заболевание, которое позволит ему избежать отбытия наказания.

По результатам медицинского освидетельствования осужденных составляется заключение установленной формы, где делается вывод о том, что осужденный имеет заболевания, препятствующие дальнейшему отбыванию наказания.

Однако это лишь первый шаг к выходу на свободу. Уголовный кодекс только предоставляет суду право принять решение об освобождении такого осужденного, не налагая на него такой обязанности. Основаниями для отказа в освобождении могут стать тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, характер заболевания и другие обстоятельства. С указанием на эти же обстоятельства постановление суда об

освобождении осужденного может быть опротестовано прокурором или председателем вышестоящего суда.

Такое положение закона представляется весьма спорным с точки зрения права и справедливости.

Освобождение от наказания в таких случаях, с одной стороны, является актом милосердия, соответствующим закрепленным ст.6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь принципом гуманизма уголовно-исполнительного законодательства, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

С другой стороны, освобождение в связи с тяжелой болезнью объективно обосновано тем, что такие заключенные не в состоянии выполнять возложенные на них обязанности, соблюдать режим наказания в виде лишения свободы или ареста. В таком случае наказание будет причинять заключенному дополнительные страдания, не обусловленные самим фактом лишения свободы, а это уже нарушает закрепленные Конституцией и международными договорами Беларуси гражданские права заключенных.

К таким заключенным нельзя применять некоторые меры дисциплинарной ответственности.

С точки зрения реализации принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказания бесспорно, что одно и то же наказание гораздо тяжелее отбыть больному человеку, чем здоровому, тогда как при назначении наказания такое состояние здоровья судом не предусматривалось.

Необходимо заметить, что заключенные в случае тяжелой болезни освобождается именно от отбытия наказания, не от уголовной ответственности. Лицо уже публично осуждено и названо преступником; обвинительный приговор влечет последствия – судимость.

Вероятность совершения освобожденным лицом с тяжелым заболеванием нового преступления незначительна. По проведенным в России в 1999 году исследованиям, в местах лишения свободы из общего количества 78 000 человек оказались 22 человека, ранее освобожденные по болезни.

Перечисленные в законе критерии, учитываемые при решении вопроса об освобождении от наказания, чрезмерно неопределенные, что необоснованно расширяет пределы усмотрения суда при принятии решения. Представляется объективно обоснованными лишь следующие ограничения возможности освобождения от наказания по болезни: это случаи, когда осужденные намеренно вызвали или усугубили у себя тяжелые болезни, уклонялись от эффективного лечения в период отбытия наказания.

Постановления суда по вопросу освобождения от наказания по заболеванию, пересмотру в кассационном порядке не подлежат; они могут быть обжалованы в надзорном порядке, который не является эффективным средством защиты нарушенных прав. В совокупности с практическим нарушением права на справедливый суд, когда заключенные лишены многих стандартных для демократического общества прав и возможностей.

Так, практически не обеспечивается право заключенных на получение юридической помощи, право собирать и представлять суду доказательства своей позиции по делу.

Поэтому позиция администрации мест лишения свободы, а также органов внутренних дел, формирующих у суда убеждение в зависимости от собственных интересов, становится определяющим фактором.

Последнее обстоятельство не позволяет полноценно сравнить законодательство разных стран в этой области: схожие по формулировкам положения закона при рассмотрении в соответствии со стандартами справедливого суда могут приводить к другим результатам.

Есть еще статистические сведения из российского суда (белорусских статистических данных по этому вопросу в общем доступе не нашлось), которая дает хорошее представление о сути проблемы: в Волгоградской области, не дождавшись рассмотрения дела, за год умерли 19 заключенных из 143 обратившихся в суды с ходатайством об освобождении от наказания по рассматриваемому основанию…

Данные о качестве медицинской помощи позволяют утверждать, что полного объема надлежащей медицинской помощи заключенные не получают. До сих пор не построена Республиканская больница для заключенных.

Степень ее строительной готовности не свидетельствует о скором решении этой проблемы

СВИДАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

“Я не думаю, что кратковременные свидания в течение двух часов как-то существенно повлияют на ограничение прав и свобод находящихся под стражей. Тем более вы знаете: у нас идет либерализация возможностей, которые они имеют. Речь о посылках, передачах, весе посылок. Мы подходим к этому вопросу комплексно. Но два часа или три часа… Может быть, для кого-то это существенно, да. Ну, наверное, не принципиально для нас с вами ”, - заявил весной 2015 года министр внутренних дел Беларуси И.Шуневич.

Принципиально ли это для министра? Безусловно, нет. Как не принципиальны, с той же точки зрения, многочисленные нарушения прав заключенных на законодательном и правоприменительном уровне. Заключенные следственных изоляторов, которые еще даже не объявлены преступниками, не вправе голосовать на выборах; в колониях дискриминированы трудовые права осужденных; регулярно поступают сообщения о фактах жестокого, бесчеловечного, унижающего обращения с заключенными, применяется смертная казнь, – на этом фоне два или три часа – это действительно не принципиально для нас с вами, тем более, если два или три часа – это только максимальное время свидания. А кто спросил заключенных и их родных, которые, зачастую, едут в колонию издалека: принципиально ли для них лишний час наедине, хоть и под присмотром охраны? Для многих осужденных такие свидания остались последней нитью, связывающей их с семьей.

Кто задумывался и о таком аспекте свидания: оно – не только право осужденного, но еще и право его родных на контакты с близким человеком.

Тюремные правила в Беларуси в части предоставления свиданий и так чрезмерно жестоки по сравнению со странами-соседями. В данном случае будет рассмотрен вопрос предоставления свиданий заключенным исправительных колоний (для взрослых) и тюрем.

Продолжительность свиданий и круг лиц, которым эти свидания предоставляются, определяется уголовно-исполнительным законодательством. В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь, осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью до четырех часов и длительные свидания продолжительностью до трех суток в специально оборудованном помещении на территории исправительного учреждения.

Такая формулировка заранее обрекает заключенных на полную зависимость в решении вопроса о длительности свиданий от усмотрения администрации мест лишения свободы. Каких-либо критериев, по которым представитель администрации будет устанавливать продолжительность свидания, не существует.

Круг лиц, которым предоставляются свидания с осужденным в Беларуси, также определен в ИК: краткосрочные свидания с родственниками или иными лицами предоставляются осужденным в присутствии работника администрации исправительного учреждения. С лицами, не являющимися родственниками осужденного, краткосрочные свидания предоставляются только по усмотрению администрации. Длительные свидания

предоставляются с правом совместного проживания осужденного с близкими родственниками.

Количества свиданий определяется режимом содержания заключенных:

- осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии в условиях общего режима вправе иметь три краткосрочных и три длительных свидания в течение года; переведенным на улучшенные условия содержания, разрешается дополнительно иметь два краткосрочных и два длительных свидания в течение года;

- осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии в условиях усиленного режима вправе иметь три краткосрочных и два длительных свидания в течение года; переведенным на улучшенные условия содержания, разрешается дополнительно иметь два краткосрочных и два длительных свидания в течение года;

- осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии в условиях строгого режима вправе иметь два краткосрочных и два длительных свидания в течение года; переведенным на улучшенные условия содержания, разрешается дополнительно иметь одно краткосрочное и одно длительное свидание в течение года;

- осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии в условиях особого режима вправе иметь два краткосрочных и одно длительное свидание в течение года; переведенным на улучшенные условия содержания, разрешается дополнительно иметь одно краткосрочное и одно длительное свидание в течение года;

- осужденным, отбывающим наказание в тюрьме на общем режиме, разрешается иметь два краткосрочных свидания в течение года; осужденным, отбывающим наказание в тюрьме на строгом режиме, разрешается иметь одно краткосрочное свидание в течение года.

Вопреки сложившейся международной практике, за нарушение установленного порядка отбывания наказания к осужденным к лишению свободы могут применяться в качестве взыскания лишение очередного длительного или краткосрочного свидания. При наложении взыскания в виде лишения очередного длительного или краткосрочного свидания вид свидания, которого лишается осужденный, определяется должностным лицом, налагающим данное взыскание. Осужденный может быть лишен ближайшего свидания, на которое он имеет право на момент наложения взыскания.

Те же нормы с соответствующими поправками применяются к заключенным женщинам (осужденные женщины содержатся в исправительных колониях только в условиях общего и строгого режимов, они не могут содержаться в тюрьме).

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными устанавливают следующие правила обращения с заключенными в этой части:

- дисциплину и порядок следует поддерживать с твердостью, вводя, однако, только те ограничения, которые необходимы для обеспечения надежности надзора и соблюдения должных правил общежития в заведении;

- заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, как в порядке переписки, так и в ходе посещений;

- особое внимание следует уделять поддержанию и укреплению связей между заключенным и его семьей, которые представляются желательными и служат интересам обеих сторон;

- с самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем, которое ждет заключенного после его освобождения. Поэтому ему следует помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения.

В духе уважения таких стандартов выдержаны уголовно-исполнительные законы государств, схожих с Беларусью по уровню развития и поощрения правовых ценностей.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ устанавливает продолжительность свиданий в соответствии с указанными принципами: осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. Краткосрочные свидания предоставляются с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации исправительного учреждения. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками, а с разрешения начальника исправительного учреждения - с иными лицами. Это означает, что круг лиц, которые могут встречаться с заключенными, гораздо шире, чем определенный в белорусском законе: с осужденным может встретиться человек, не являющийся родственником, без разрешения администрации учреждения, а с разрешением такое лицо может иметь длительное свидание с заключенным. Время такого свидания четко закреплено и не зависит от усмотрения персонала мест лишения свободы.

Для заключенных в России предусмотрено гораздо большее количество свиданий. Заключенные не могут быть лишены свидания в качестве дисциплинарной меры.

В соответствии с Исполнительным кодексом Республики Молдова 2004 года вне зависимости от тяжести совершенного преступления и вида пенитенциарного заведения, осужденный имеет право на одно краткосрочное свидание в течение месяца и на одно длительное свидание в течение квартала. Длительные свидания не предоставляются: осужденному, в отношении которого приостановлено право на длительные свидания; осужденному, переведенному на первоначальный режим в качестве меры дисциплинарного взыскания; осужденному к пожизненному заключению, находящемуся на первоначальном режиме.

По общему правилу краткосрочные свидания с супругой (супругом), родственниками до четвертой степени родства включительно, а в случаях, предусмотренных Уставом отбывания наказания осужденными, с письменного разрешения начальника пенитенциарного учреждения, – с иным лицом по выбору осужденного предоставляются

продолжительностью от одного до четырех часов. Эти свидания проводятся в специально обустроенных помещениях, под визуальным надзором или видеонаблюдением представителей администрации пенитенциарного учреждения.

Длительные свидания с супругой (супругом), родителями, детьми, братьями и сестрами, бабками, дедами и внуками осужденного, а в случаях, предусмотренных Уставом отбывания наказания осужденными, с письменного разрешения начальника пенитенциарного учреждения, – с иным лицом по выбору осужденного предоставляются продолжительностью от 12 часов до трех суток.

Начальник пенитенциарного учреждения должен разрешить свидания между осужденными лицами в случае, когда осужденные находятся в одном пенитенциарном учреждении, если они состоят в брачных отношениях, подтверждением чего служит копия свидетельства о браке.

В качестве дисциплинарного взыскания предусматривается приостановление права на краткосрочные и длительные свидания на срок до трех месяцев; на время дисциплинарной изоляции осужденному запрещаются свидания, за исключением посещений защитника.

В качестве поощрения дополнительно предоставляется не более 4 краткосрочных свиданий и 2 длительных свидания в год. Заключенным, имеющим непогашенные дисциплинарные взыскания, не могут предоставляться свидания в качестве меры поощрения. Свидания в качестве поощрения предоставляются только с супругом (супругой) и родственниками и не предоставляются с другими лицами.

В исключительных случаях предоставляются и свидания с другими лицами: например, в отсутствие супруга (супруги) и других родственников или если они не навещали заключенного в период более одного года, предоставляются только краткосрочные свидания. Длительные свидания в этом случае предоставляются только с лицами, с которыми они состоят в отношениях сожительства или имеют общих детей.

Во всех случаях предоставления свиданий с другими лицами они могут быть разрешены администрацией учреждения лишь при условии, что не окажут негативного влияния на заключенного, а также при наличии уверенности в том, что свидание не будет использовано для подготовки или совершения преступлений, уничтожения доказательств, запугивания и воздействия на свидетелей, жертв или других лиц, в других незаконных целях.

По Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан 2014 года, осужденным предоставляются свидания: краткосрочные продолжительностью два часа, длительные на территории учреждения продолжительностью двое суток.

Краткосрочные свидания предоставляются с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации исправительного учреждения. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), близкими родственниками (родители, дети, усыновители, усыновленные, братья, сестры, дедушка, бабушка, внуки), в исключительных случаях с разрешения начальника исправительного учреждения - с иными лицами. В зависимости от режима содержания установлено количество свиданий. Осужденным, находящимся на льготных условиях

содержания, даже в учреждениях максимальной безопасности, краткосрочные свидания по количеству не ограничиваются. В виде дисциплинарного взыскания лишение свидания в Казахстане не предусмотрено.

Даже Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана 2011 года устанавливает более льготную, по сравнению с белорусским, длительность свиданий: краткосрочные - продолжительностью четыре часа, длительные - продолжительностью до трех суток. Краткосрочные свидания с родственниками или иными лицами предоставляются в присутствии представителя администрации исправительного учреждения. С лицами, не являющимися родственниками осужденного, свидания предоставляются только по усмотрению администрации исправительного учреждения. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания только с близкими родственниками (супруг, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки), а в исключительных случаях, с разрешения начальника исправительного учреждения - с иными лицами.

За нарушение установленного порядка отбывания наказания к осужденным к лишению свободы могут применяться лишение очередного длительного или краткосрочного свидания; лишение права на телефонные разговоры на срок до одного месяца.

При этом Туркменистане в исправительных колониях общего режима осужденным разрешается иметь двенадцать краткосрочных и восемь длительных свиданий в течение года; осужденные, отбывающие наказание в исправительных колониях строгого режима могут иметь десять краткосрочных и шесть длительных свиданий в течение года; осужденные, отбывающие наказание в исправительных колониях особого режима, могут иметь восемь краткосрочных и четыре длительных свидания в течение года. В тюрьмах Туркменистана на общем режиме осужденные вправе иметь шесть краткосрочных свиданий в течение года; на строгом режиме осужденные вправе иметь четыре краткосрочных свидания в течение года.

Таким образом, сравнение пенитенциарных правил оказывается явно не в пользу белорусских заключенных. Встречи с родными и близкими, которые могут и должны стать средством ресоциализации заключенных, для белорусских заключенных стали нечастой радостью, а скорее - одним из средств усмирения. Именно принятием новых норм и сокращением времени на контакты заключенных с близкими, вопреки мнению министра внутренних дел, как раз неминуемо “нивелируется воспитательная функция этих учреждений”.

ВНЕСУДЕБНЫЙ АРЕСТ

Список поражений в правах так называемых «обязанных лиц» - обязанных возмещать расходы по содержанию детей в определенных случаях (отобрания у них детей по решению комиссии по делам несовершеннолетних; суда без лишения родительских прав; лишения их родительских прав; нахождения в розыске, ЛТП, СИЗО, в исправительных учреждениях) широк. Обязанным лицам запрещается отчуждать принадлежащее им недвижимое имущество и транспортные средства. Неработающие обязанные лица, а также работающие обязанные лица, возмещающие расходы по содержанию детей в добровольном порядке по заявлению, но не в полном объеме, подлежат принудительному трудоустройству. Они могут быть выселены из собственных жилых помещений для сдачи этих помещений в аренду. В паспорте обязанного лица проставляется соответствующий штамп.

Еще в 2010 году для родителей, уклоняющихся от трудоустройства по судебному постановлению либо работы введена административная ответственность: уклонение родителей, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, от трудоустройства по судебному постановлению, повлекшее за собой неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению таких расходов, либо уклонение от работы влекло безальтернативное взыскание – административный арест. Под уклонением от трудоустройства по судебному постановлению в настоящей статье понималось уклонение от явки в органы по труду, занятости и социальной защите, организации для трудоустройства, от прохождения медицинского осмотра, получения необходимых для трудоустройства документов, а также иные виновные действия (бездействие), повлекшие неисполнение судебного постановления о трудоустройстве.

В такой редакции статья практически не работала, и в январе 2015 года в нее были внесены изменения: наказываться стало и уклонение от работы – отсутствие на работе в течение рабочего дня без уважительной причины. Сразу за первые семь месяцев 2015 года по ней было зафиксировано 8495 фактов привлечения к ответственности с темпом прироста по этому показателю в 2 221% к уровню прошлого года.

Противоправный характер принудительного труда обязанных лиц ПЦ «Весна» и Международная Федерация за права человека (FIDH) неоднократно отмечали в своих докладах, и что-то новое сказать в этой части сложно. Разве что сравнить степень защиты экономических интересов государства, которое несет расходы по содержанию детей, и интересов частных лиц, воспитывающих детей и не получающих своевременно алименты на их содержание.

Здесь хотелось бы сделать акцент на другом:

Только по статье 9.27 КоАП применять административное взыскание в виде административного ареста вправе органы внутренних дел. Это означает, что на обязанных лиц не распространили общепринятое правило, согласно которому лишение свободы возможно только по приговору суда: «Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого

ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» (Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Конституционный Суд Беларуси нарушений в этом, к сожалению, не усматривает, что очень странно применительно к его позиции по поводу правил рассмотрения дел, например, о мелком хулиганстве: КоАП предусматривает возможность наложения взысканий по ст.17.1, за исключением ареста, органом внутренних дел, а в случаях, когда лицо, в отношении которого ведется административный процесс не признает вины, либо если орган внутренних дел полагает возможным применение к нему взыскания в виде административного ареста – судом. Эту практику КС анализирует и справедливо признает ее конституционной, отмечая при этом, что «на обеспечение конституционной гарантии права каждого на защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом (часть первая статьи 60 Конституции) направлено положение Закона, в соответствии с которым дела об административных правонарушениях, предусмотренных, в частности, статьей 10.5 КоАП (мелкое хищение) и статьей 17.1 КоАП (мелкое хулиганство), подлежат направлению в суд во всех случаях, если лицо не признало себя виновным в совершении административного правонарушения».

И одновременно Конституционный Суд в упор не замечает, что положение ст.6.2 КоАП о том, что административные взыскания в виде административного ареста за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 9.27 Кодекса налагаются органами внутренних дел лишает лиц, в отношении которых ведется административный процесс по этой категории дел, права на судебную защиту.

Дискриминационным также является положение, по которому административно арестованные, привлеченные к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 9.27 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, обязательно привлекаются к труду администрацией места отбывания административного ареста. Иные административно арестованные привлекаются к труду с их согласия.

О том, как организован труд обязанных лиц, очень красочно поведала газета «СБ»:

В Воложинском районе административно-арестованные по ст.29.7 работают в любую погоду на свалке, выбирая из общей массы отходов то, что представляет интерес в качестве вторсырья. Корреспонденты с удовлетворением отметили и температуру в 31 градус выше нуля, и специфические запахи свалки. Как пояснил им сотрудник РОВД, «только такое место оказалось идеальным для работы во время отбывания срока по статье 9.27 КоАП. Сами посудите, даже дать в руки метлу менее целесообразно. Во–первых, в таком случае к каждому арестованному нужно приставлять милиционера, ибо людям, привыкшим отлынивать, доверять не приходится. Во–вторых, возникают определенные сложности с оценкой труда — хорошо подмел или плохо, у всех ли равные условия и т.д. А на свалке у всех все одинаково и всегда на виду! Одновременно отпадает необходимость в медсправке, не требуется никакого специального образования, плюс фактор удаленности от города: отлучаться некуда».

ФОТО SB.BY

Соответственно, стандарты о защите от унижающего обращения не распространяются на арестованных обязанных лиц.

Есть еще одна грань у этой проблемы: конечно, материальные расходы на содержание детей можно взыскать. Но, как отмечают многие чиновники, эта сумма (сейчас – около 2 000 000 на одного ребенка), умноженная на количество детей, при невысоких зарплатах, особенно у этой категории людей, особенно – в регионах, становится неподъемным грузом для «обязанных лиц», накапливается в виде многомиллионных долгов и лишает работающего должника (а он получает в этом случае только 30% от зарплаты) стимула к труду. Возвращаясь к параллели с должниками по алиментным обязательствам, минимальный размер алиментов для них – меньше 800 000 на одного ребенка.

И последнее: количество обязанных лиц в Беларуси - 21 305 человек.

ЗАКРЫТЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В соответствии с ст.46 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. "О здравоохранении" (в редакции Закона от 11 января 2002 г.) лица, имеющие заболевания, представляющие опасность для здоровья населения, в случае уклонения от лечения могут быть подвергнуты принудительной госпитализации и лечению в государственных организациях здравоохранения по решению суда в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

По данным Верховного Суда Республики Беларусь, судами республики ежегодно рассматривается около 700 дел о принудительной госпитализации и лечении граждан, 90% заявлений по которым удовлетворяется.

Согласно Перечню заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, утвержденному постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 13 июня 2002 г. № 31 (далее - Перечень заболеваний от 13 июня 2002 г.), к таким заболеваниям отнесены: активный туберкулез органов дыхания с бактериовыделением (далее - туберкулез), а также венерические заболевания (сифилис, гонорея).

Законом Республики Беларусь от 07.01.2012 N 345-З "О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека" определены некоторые правила и определения относительно принудительного обследования и лечения. Принудительное медицинское освидетельствование лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать о наличии у него социально опасного заболевания, ВИЧ, проводится государственными организациями здравоохранения на основании вынесенного врачебно-консультационной комиссией государственной организации здравоохранения заключения о необходимости принудительного медицинского освидетельствования и с санкции прокурора. Заключение о необходимости принудительного медицинского освидетельствования выносится при наличии в совокупности следующих условий: в отношении лица имеются достаточные основания полагать о наличии у него социально опасного заболевания либо достаточные основания полагать о наличии у него ВИЧ; лицо уклоняется от обязательного медицинского освидетельствования.

Достаточными основаниями полагать о наличии у лица социально опасного заболевания являются:

прямое указание лица, имеющего социально опасное заболевание, на лицо как на возможный источник своего заражения социально опасным заболеванием или как на лицо, бывшее с ним в тесном бытовом и (или) половом контакте;

результаты клинико-инструментальных и (или) лабораторных исследований, указывающие на наличие у лица признаков социально опасного заболевания.

Достаточными основаниями полагать о наличии у лица ВИЧ являются:

прямое указание лица, имеющего ВИЧ, на лицо как на возможный источник своего заражения ВИЧ, или как на лицо, бывшее с ним в половом контакте, или как на лицо,

вводившее с ним наркотические средства, психотропные вещества внутривенно одним шприцем;

результаты клинико-инструментальных и (или) лабораторных исследований, указывающие на наличие у лица признаков ВИЧ.

Уклонением от обязательного медицинского освидетельствования являются:

неявка без уважительной причины в государственную организацию здравоохранения для прохождения обязательного медицинского освидетельствования лица, получившего из этой организации здравоохранения письменное официальное извещение о вызове, в течение трех дней с указанной в извещении даты явки в государственную организацию здравоохранения для прохождения обязательного медицинского освидетельствования. Отказ лица от получения извещения приравнивается к неявке без уважительной причины в государственную организацию здравоохранения для прохождения обязательного медицинского освидетельствования. При невозможности обнаружения лица по месту жительства органы внутренних дел принимают меры по установлению местонахождения такого лица для вручения ему извещения;

отказ лица от медицинского осмотра, клинико-инструментальных, лабораторных исследований.

Уважительными причинами неявки лица в государственную организацию здравоохранения для прохождения обязательного медицинского освидетельствования являются: наличие у лица заболевания, которое лишило его возможности явиться в государственную организацию здравоохранения для прохождения обязательного медицинского освидетельствования; наличие требующего ухода со стороны лица заболевания у кого-либо из его близких родственников, супруга; смерть этих лиц; обстоятельства чрезвычайного характера или иные независящие от лица обстоятельства, лишившие его возможности явиться в государственную организацию здравоохранения для прохождения обязательного медицинского освидетельствования.

Заключение о необходимости принудительного медицинского освидетельствования в трехдневный срок после его вынесения направляется государственной организацией здравоохранения в органы прокуратуры Республики Беларусь по месту жительства (месту пребывания) лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать о наличии у него социально опасного заболевания, ВИЧ, для получения санкции прокурора на принудительное медицинское освидетельствование.

Прокурор дает санкцию на принудительное медицинское освидетельствование лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать о наличии у него социально опасного заболевания, ВИЧ, либо отказывает в ее даче в порядке, установленном законодательными актами. Санкция прокурора на принудительное медицинское освидетельствование направляется в государственную организацию здравоохранения, врачебно-консультационная комиссия которой вынесла заключение о необходимости принудительного медицинского освидетельствования, и территориальный орган внутренних дел Республики Беларусь по месту жительства лица, подлежащего принудительному медицинскому освидетельствованию. Орган внутренних дел Республики Беларусь по месту жительства лица, подлежащего принудительному

медицинскому освидетельствованию, обеспечивает доставку такого лица в государственную организацию здравоохранения на предоставленном ею транспортном средстве.

Принудительная госпитализация и лечение лица, имеющего социально опасное заболевание, осуществляются в государственной организации здравоохранения, осуществляющей оказание медицинской помощи в стационарных условиях. Принудительная госпитализация и лечение лица, имеющего социально опасное заболевание, осуществляются на основании решения суда об удовлетворении заявления о принудительной госпитализации и лечении, поданного государственной организацией здравоохранения.

Заявление о принудительной госпитализации и лечении с приложенным заключением врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения о необходимости принудительной госпитализации и лечения рассматривается судом в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Заключение о необходимости принудительной госпитализации и лечения лица, имеющего социально опасное заболевание, выносится врачебно-консультационной комиссией государственной организации здравоохранения при наличии в совокупности следующих условий:

наличие результатов клинико-инструментального и (или) лабораторного исследований, подтверждающих социально опасное заболевание; уклонение лица, имеющего социально опасное заболевание, от лечения.

Уклонением лица, имеющего социально опасное заболевание, от лечения являются:

неявка без уважительной причины в государственную организацию здравоохранения для лечения в течение трех дней с указанной в извещении даты явки для лечения. Отказ лица, имеющего социально опасное заболевание, от получения извещения приравнивается к неявке без уважительной причины для лечения. При невозможности обнаружения лица, имеющего социально опасное заболевание, по месту жительства органы внутренних дел принимают меры по установлению местонахождения такого лица для вручения ему извещения;

отказ от лечения в государственной организации здравоохранения либо самовольный уход с приема врача-специалиста государственной организации здравоохранения после предупреждения о наличии у лица социально опасного заболевания и возможности заражения иных лиц;

несоблюдение врачебных предписаний и (или) правил внутреннего распорядка для пациентов государственной организации здравоохранения, осуществляющей оказание медицинской помощи в стационарных условиях;

неявка без уважительной причины в государственную организацию здравоохранения в установленный врачом-специалистом срок для контрольного наблюдения и (или) лечения;

неявка без уважительной причины в государственную организацию здравоохранения лица, освобожденного из мест лишения свободы, которое в установленном

законодательством порядке было уведомлено администрацией соответствующего исправительного учреждения о необходимости явки в данную организацию здравоохранения по месту его жительства (месту пребывания).

Уважительными причинами неявки лица, имеющего социально опасное заболевание, в государственную организацию здравоохранения для контрольного наблюдения и (или) лечения являются те же, что указаны для освидетельствования.

Факт уклонения лица, имеющего социально опасное заболевание, от лечения должен быть отмечен записью врача-специалиста в медицинских документах.

В трехдневный срок после вынесения врачебно-консультационной комиссией государственной организации здравоохранения заключения о необходимости принудительной госпитализации и лечения государственная организация здравоохранения направляет в суд по месту жительства (месту пребывания) лица, имеющего социально опасное заболевание, или по месту нахождения этой организации здравоохранения заявление о принудительной госпитализации и лечении с приложенным заключением о необходимости принудительной госпитализации и лечения.

В суде почти пятая часть такого рода заявлений рассматривается без участия гражданина, имеющего заболевание, поскольку такое право суду предоставлено Гражданским процессуальным кодексом. Практически все (до 90%) дел рассматриваются с участием прокурора. Участие адвоката в судебном заседании может иметь место, если соответствующий договор заключен с ним непосредственно гражданином, имеющим заболевание, или на основании соответствующей доверенности – другое лицо. Все это ставит под сомнение гарантии справедливого суда.

Копия решения суда об удовлетворении либо об отклонении заявления о принудительной госпитализации и лечении направляется в государственную организацию здравоохранения, обратившуюся в суд.

Государственная организация здравоохранения незамедлительно после поступления копии решения суда об удовлетворении заявления о принудительной госпитализации и лечении направляет ее в территориальный орган внутренних дел по месту жительства (месту пребывания) лица, имеющего социально опасное заболевание.

Территориальный орган внутренних дел по месту жительства лица, имеющего социально опасное заболевание, обеспечивает в порядке, установленном Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством здравоохранения Республики Беларусь, доставку такого лица в государственную организацию здравоохранения, осуществляющую оказание медицинской помощи в стационарных условиях, на предоставленном государственной организацией здравоохранения транспортном средстве.

В случае самовольного ухода лица, имеющего социально опасное заболевание, из государственной организации здравоохранения, эта организация информирует о произошедшем территориальный орган внутренних дел, который принимает меры по установлению местонахождения этого лица и оказывает содействие медицинским работникам в его доставке в государственную организацию здравоохранения.

Принудительная госпитализация и лечение лица, имеющего социально опасное заболевание, осуществляются при наличии указанных выше условий (наличие заболеваний и уклонение от их лечения) и продолжаются в течение времени их сохранения. Однако на практике никакие уверения в намерении добровольно продолжать лечение не имеют значения для изменения решения о принудительной госпитализации.

В течение шести месяцев со дня госпитализации по решению суда лицо, имеющее социально опасное заболевание, подлежит медицинскому освидетельствованию врачебно-консультационной комиссией не реже одного раза в месяц для решения вопроса о необходимости продолжения принудительной госпитализации и лечения. По результатам медицинского освидетельствования врачебно-консультационной комиссией выносится заключение о необходимости продления срока принудительной госпитализации и лечения, которое является основанием для продления срока принудительной госпитализации и лечения и дальнейшего нахождения лица, имеющего социально опасное заболевание, в государственной организации здравоохранения.

Продление срока принудительной госпитализации и лечения свыше шести месяцев со дня госпитализации лица, имеющего социально опасное заболевание, осуществляется по решению суда. Государственная организация здравоохранения, не позднее десяти дней до истечения шести месяцев со дня госпитализации лица, имеющего социально опасное заболевание, направляет в суд по месту нахождения этой организации заявление о продлении срока принудительной госпитализации и лечения, к которому прилагает заключение врачебно-консультационной комиссии о необходимости продления срока принудительной госпитализации и лечения. Суд рассматривает заявление о продлении срока принудительной госпитализации и лечения в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Для продления срока принудительной госпитализации и лечения свыше двенадцати месяцев со дня госпитализации лица, имеющего социально опасное заболевание, государственная организация здравоохранения, обращается в суд не реже одного раза в год в порядке, предусмотренном частью третьей настоящей статьи.

Таким образом, указанные лица могут находиться на принудительном лечении без ограничения срока; причем пересмотр судом каждого случая происходит только один раз в год.

В соответствии с законом, при применении специальных мер по оказанию медицинской помощи медицинская помощь оказывается в ее наименее ограничительной для пациента форме, обеспечивающей его безопасность и безопасность других лиц, при соблюдении медицинскими работниками прав и свобод пациента. Закон предусматривает меры физического стеснения и (или) изоляции при применении специальных мер по оказанию медицинской помощи, которые применяются в соответствии с законодательством только в тех случаях, формах и только на тот период времени, когда иными мерами невозможно предотвратить действия пациента, представляющие непосредственную опасность для него и (или) иных лиц. Меры физического стеснения и (или) изоляции применяются под постоянным контролем медицинских работников. О формах и времени применения мер физического стеснения и (или) изоляции делается запись в медицинских документах.

Пределы участия органов внутренних дел в принудительном лечении ограничены: они осуществляют охрану государственных организаций здравоохранения, в которых осуществляются принудительная госпитализация и лечение; предотвращают действия пациента, угрожающие жизни и здоровью окружающих, а также устанавливают местонахождение лица, подлежащего принудительному освидетельствованию либо принудительной госпитализации и лечению.

Права пациента определены законом и предусматривают уважительное и гуманное отношение, исключающее жестокость, бесчеловечность и унижение человеческого достоинства.

Пациент, находящийся в организации здравоохранения, имеет право принимать посетителей. Это право может быть ограничено по рекомендации лечащего врача, заведующего отделением или руководителя организации здравоохранения в случаях, когда осуществление этого права представляет непосредственную опасность для пациента и (или) иных лиц. Также пациент вправе получать посылки, бандероли, мелкие пакеты, передачи, содержимое которых может быть ограничено правилами внутреннего распорядка для пациентов. По смыслу этого правила, такие отправления подлежат досмотру персоналом учреждения здравоохранения.

Пациент, имеющий социально опасное заболевание, обязан сообщить лицам, с которыми он был в тесном бытовом и (или) половом контакте, о возможности их заражения. Пациент, имеющий ВИЧ, также обязан сообщить своим половым партнерам о возможности их заражения.

В Беларуси нет механизмов, позволяющих общественным объединениям, в том числе – правозащитным, непосредственно наблюдать за соблюдением прав лиц, содержащихся в закрытых лечебных учреждениях. Между тем, до правозащитников доходят сведения о нарушении основных прав и свобод пациентов закрытых учреждений, в том числе права не подвергаться жестокому обращению.

В апреле 2008 года 83 пациента Республиканской туберкулезной больницы "Волковичи", которая расположена в Дзержинский район Минской области обратились с открытым письмом в Министерство здравоохранения Беларуси: пациенты закрытого учреждения жаловались на некачественное питание, ограничение свиданий, принуждение больных убирать территорию больницы, поднимая при этом тяжести, отсутствие телевизоров в палатах, библиотеки и торгового ларька на территории учреждения, а также на негуманное отношение персонала.

В январе 2008 года неудовлетворение условиями пребывания в клинике выразили около ста пациентов закрытой туберкулезной больницы в поселке Новоельня в Дятловском районе Гродненской области и объявили голодовку. Пациенты жаловались на сырость и холод в палатах, возможность посещать душ только два раза в неделю, а также на запрет выходить за территорию клиники.

24 июня 2010 года 18 пациентов Республиканской туберкулезной больницы "Волковичи" объявили голодовку в знак протеста против условий содержания в учреждении. Один из пациентов Анатолий Шевельчинский сообщил об этом информационному агентству БелаПАН .

“По его словам, толчком к объявлению голодовки послужило избиение шести пациентов сотрудниками милиции, которое произошло 23 июня. Наряд милиции был вызван из-за того, что пациенты "немного выпили и повздорили между собой". Двух больных, в том числе Шевельчинского, после избиения заковали в наручники и поместили в изолятор, где их держали без воды и еды, утверждает пациент. Шевельчинский заявил, что пациенты больницы возмущены произошедшим. Они объявили голодовку и написали заявление в прокуратуру Минской области, где требуют расследовать инцидент и проверить условия содержания в больнице.

"Мы полностью лишены прав и живем здесь, как животные", - считает пациент. Он утверждает, что в больнице существует множество неоправданных ограничений: на сигареты, сахар, чай, просмотр телевизора, использование телефона. На территории больницы нет магазина, поэтому пациенты не могут приобрести самого необходимого - туалетной бумаги и мыла. Больным не выдают пенсию, лишают свиданий и даже необходимого лечения. Так, например, многие не могут полечить зубы или сделать необходимые анализы. Обход медперсонала осуществляется раз в неделю, сказал Шевельчинский. "Мы здесь как заключенные в лагере", - заявил он. Больницу, продолжил пациент, окружает колючая проволока, а охранники вооружены, чего нет даже в тюрьме. Случаи избиения пациентов не редкость, утверждает больной”.

В июле 2012 года в областной туберкулезной больнице, расположенной в п.Богушевск Сенненского района Витебской области пациент - инвалид второй группы. Как сообщил один из пациентов, “В отделении, где лечатся принудительно, есть палаты на двух, пять и семь человек. На 40 человек по одному женскому и мужскому туалету, в которые образовываются очереди. Один душ. В палатах нет даже умывальников. Четыре умывальника находятся в отдельном помещении. Горячая вода, которая … имеет специфический болотный запах, есть не всегда. На прогулку больные могут выйти только два раза в день в летний период на полтора часа утром и вечером. Питание больных неудовлетворительное, несмотря на утверждение администрации, что оно соответствует нормам, определенным Минздравом. В меню нет фруктов, мало овощей. …отношение к нам, как к преступникам».

ДЕЛО А. РАЧКОВСКОГО

Летом 2015 года в ПЦ “Весна” обратился пациент Республиканской туберкулезной больницы "Волковичи". По его словам, он был вынужден, поскольку является иностранным гражданином, согласиться на лечение в закрытом учреждении, поскольку другие варианты лечения были платными.

В июле 2015 года он обратился в прокуратуру с заявлением: «Вынужден экстренно обратиться к Вам за помощью, в виду реальной угрозы моей жизни и здоровью. Фактически я стал заложником произвола, со стороны администрации и мед.персонала, выше упомянутого учреждения, преступные действия, бездействия которых, подвергают мою жизнь опасности. Обращаюсь напрямую именно к Вам т.к. сложившаяся ситуация далеко не вчерашняя, довольно многосложная и по своему характеру находится именно в Вашей компетенции.

К сожалению, по определённым обстоятельствам, я не могу в этом письме в полной мере изложить все факты и подробности дела, в чем несомненно Вы меня поймете позже и настоятельно прошу Вас о встрече со мной, полномочного представителя Вашего ведомства, которому только в личной беседе, я буду готов доверить все сведения, материалы и сделать необходимое заявление. В этом действительно есть достаточно основательная необходимость и я очень надеюсь на Ваше незамедлительное вмешательство, т.к. моё положение, крайне отчаянное и вполне может перейти к уголовно-процессуальным событиям».

Прокуратура таким образом отреагировала на этот «крик о помощи»: «Сообщаю, что Ваше электронное обращение, поступившее в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь 27.07.2015, оставлено без рассмотрения по существу на основании пункта 1 статьи 15 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», так как не соответствует требованиям, установленным пунктом 2 статьи 12 названного Закона.

В обращении отсутствуют четкие требования к органам прокуратуры, а также конкретная информация о допущенных администрацией учреждения здравоохранения нарушениях законодательства и прав пациента, что не позволяет определить суть обращения и рассмотреть его по существу».

Вот выдержки из его обращения в прокуратуру, направленного в августе 2015 года:

«Согласившись на лечение в столь специфичном заведении, я ко многому оказался не готов и никак не мог предвидеть всех, мягко говоря неожиданностей, которые буквально лишают меня элементарных человеческих прав. С копией решения суда меня почему-то ознакомили лишь спустя два месяца. В данном заведении находятся люди, по большей части с криминальным прошлым, так называемый ,,спец.контингент'', что накладывает отпечаток на их образ мышления и поведения. Будучи больными и находясь на лечении, они продолжают, что называется ,,играть в тюрьму''. Я не стал бы давать оценку их морально-этическому уровню и уж тем более позиционировать свою некую ,,исключительность'', но этого требует объективная оценка сложившейся ситуации. На довольно маленькой площади, в тесном соседстве друг с другом находятся более тридцати человек, большинство из которых психически не уравновешены, поведенческие барьеры размыты, в приоритете межличностных отношений - позиция силы. Вокруг постоянно царит грубость, хамство, цинизм, бесцеремонность по отношению к окружающим. Но самое главное, что все это регулярно усугубляется всеобщим пьянством, которому способствуют, как это ни абсурдно, персонал учреждения, начиная с заведующего отделением и заканчивая санитарками.

С согласия завотделением Ч. медперсонал за проделанные больными хозработы расплачивается с последними антисептическим раствором, который те в свою очередь пьют.

Также некоторые из медсестер, по предварительному заказу проносят на охраняемую территорию водку, где ею спекулируют. Что уж говорить о браге, которую при желании (ведь больные заготавливают её в большом объёме) всегда можно обнаружить и изъять. Но мед. персонал, наряду с сотрудниками милиции, которые здесь постоянно находятся, этим не занимается, они выполняют лишь охрану периметра, тем самым не

обеспечивая личной безопасности пациентов. Ведь не трудно представить, каково бывает трезвому человеку с пьяным, тем более, когда их много, когда все это происходит в замкнутом пространстве, когда и сама по себе терапия туберкулеза имеет агрессивный характер, негативно воздействуя на нервную систему.

Я ...пытаясь найти понимание, сообщил об этой проблеме медработникам и в частности завотделением Ч., но мои личные беседы с ними сразу становились достоянием пациентов, последние, в свою очередь, в отношении меня стали крайне агрессивными. С того момента пошло и поехало. Началось с угроз ,,травматологией'', дошло уже и до рукоприкладства. Постоянно подвергаюсь моральному давлению в виде грубых, унизительных оскорблений, угрожают расправой во сне, несколько раз я был избит».

«Обращаюсь именно в Ваше ведомство (прокуратуру) не случайно, т.к. моя жалоба в Мин. Здрав не была удовлетворена, ... После того, как мною было отправлено вышеупомянутое обращение, на следующий день, зав.больницей Г. провёл со мной поучительно-разъяснительную беседу, во время которой, в неприязненном тоне убеждал меня в бессмысленности каких-либо обращений, давая понять, что он и мин.здрав. – одно и тоже. Очень надеюсь на Ваше незамедлительное вмешательство и прошу направить сюда Вашего полномочного представителя, которому я мог бы изложить все более подробно и предоставить видеоматериалы по данной ситуации».

Прокуратура не нашла в обращении пациента спецбольницы оснований для применения мер прокурорского реагирования и даже опроса заявителя, о чем его уведомила. После этого А. Рачковский сообщил представителю ПЦ “Весна” и интернет-порталу TUT.BY о том, что 11 сентября он подвергся насилию со стороны пациентов больницы: его избили, после чего трое пациентов попытались совершить сексуальное надругательство. Рачковский стал звать на помощь, и на его крики появилась медсестра, после чего насилие прекратилось.

Рачковского на сутки поместили в комнату для свиданий больницы, поскольку другого безопасного места в больнице не нашлось. Впоследствии он был помещен на обследование в психиатрическую больницу; необходимость такого шага администрация больницы объяснила желанием скрыть Рачковского от возможной мести пациентов, поскольку к тому времени Следственным комитетом была начата проверка заявления Рачковского по факту насильственных действий. Сам Рачковский уверен, что одной из причин проявления агрессии со стороны пациентов было то, что им стало известно от администрации больницы о направлении им жалоб в прокуратуру. Реальной помощи от милиционера, охранявшего больницу, пациент не получил.

Случай А. Рачковского ярко иллюстрирует проблему недостаточного уровня законодательного регулирования и практическое состояние дел в закрытых лечебных учреждениях.

ФОТО С САЙТА ZAMOK.GRODNO.BY

Республиканская психиатрическая больница "Гайтюнишки" исполняет определения судов Республики Беларусь о принудительном лечении душевно больных, совершивших опасные деяния и представляющих по своему психическому состоянию и характеру содеянного особую опасность для общества, нуждающихся в больничном содержании и лечении в условиях строгого наблюдения.

Три отделения больницы осуществляют эту деятельность: отделение №1 рассчитано на 100 коек. Обслуживает Брестскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую области, включая город Брест и город Могилев. Отделение № 2 рассчитано на 100 коек и обслуживает Гомельскую и Витебскую области, а также города Гродно и Минск. Отделение №4 рассчитано на 50 коек.

В больнице, как правило, одновременно содержится около 250 человек.

Содержатся больные в отдельном здании. «Это будто маленькая тюрьма, окруженная высоким забором с неприступной «егозой» у неба. Всюду — видеокамеры, тревожные кнопки, двойные решетки на окнах. А ночью между корпусом и оградой разгуливают сторожевые псы... Это стражное отделение, в нем изолированы шизофреники, психопаты и эпилептики, которые, не будь у них психзаболеваний, наверняка получили бы максимальные сроки лишения свободы. По периметру сооружение охраняют милиционеры, в отделение им разрешено заходить только в крайнем случае. Такова позиция руководителя учреждения: это все же не тюрьма», - так описала это учреждение газета «Советская Белоруссия».

ФОТО С САЙТА ORTHOS.ORG

В государственном учреждении «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» 33-е и 34-е психиатрические отделения предназначены для принудительного (по определению суда) лечения мужчин, а 38-е – женщин, с усиленным наблюдением.

ФОТО С САЙТА SB.BY

Отделение судебно-психиатрических экспертиз территориально расположено на базе РНПЦ психического здоровья, но не входит в структуру этого учреждения. Это

подразделение подчиняется управлению судебно-психиатрических экспертиз государственной службы медицинских судебных экспертиз.

НАРУШЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом, основными средствами достижения целей уголовной ответственности в процессе ее применения являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие.

Каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительного учреждения обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности. Осужденные привлекаются к труду на предприятиях или в производственных мастерских исправительных учреждений, а также на иных предприятиях независимо от форм собственности при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. При привлечении осужденных к труду трудовой договор (контракт) с ними не заключается (ст.98 УИК).

Как отмечалось ранее в мониторинговом отчете ПЦ «Весна» за 2014 год, в соответствии с законодательством Республики Беларусь о труде и об охране труда заключенным устанавливаются только продолжительность рабочего времени, требования по охране труда и оплата труда. Иные вопросы регулируются нормативными актами в области уголовно-исполнительного права, в которых трудовые права заключенных существенно ограничены. Можно утверждать о существовании дискриминации трудовых прав заключенных по сравнению с обычными наемными работниками. Эти ограничения часто не диктуются интересами национальной безопасности, общественного порядка, защитой нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц - правомерными целями ограничений по Конституции и международным обязательствам Беларуси, не является соразмерным и необходимым для достижения целей уголовной ответственности и приводят к дискриминации осужденных в сравнении с остальными гражданами.

Право работника на охрану труда подразумевает широкий круг прав работника и гарантий их реализации. Каждый работник, в том числе заключенный, имеет право на:

1) рабочее место, соответствующее требованиям по охране труда;

2) обучение безопасным методам и приемам труда, проведение инструктажа по охране труда;

3) обеспечение необходимыми средствами индивидуальной защиты, средствами коллективной защиты, санитарно-бытовыми помещениями, оснащенными необходимыми устройствами и средствами;

4) получение от нанимателя достоверной информации о состоянии условий и охраны труда на рабочем месте, а также о средствах защиты от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов;

5) личное участие или участие через своего представителя в рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением безопасных условий труда, проведении органами,

уполномоченными на осуществление контроля (надзора), в установленном порядке проверок соблюдения законодательства об охране труда на его рабочем месте, расследовании произошедшего с ним несчастного случая на производстве и (или) его профессионального заболевания;

6) отказ от выполнения порученной работы в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья его и окружающих до устранения этой опасности, а также при непредоставлении ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда. Перечень средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда, утверждается республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в области труда. При отказе от выполнения порученной работы по указанным основаниям работник обязан незамедлительно письменно сообщить нанимателю либо уполномоченному должностному лицу нанимателя о мотивах такого отказа, подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, за исключением выполнения вышеуказанной работы.

Для реализации права работника на охрану труда государство осуществляет государственное управление в области охраны труда, контроль (надзор) за соблюдением законодательства об охране труда и устанавливает ответственность за нарушение законодательства об охране труда.

При отказе работника от выполнения порученной работы в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья его и окружающих; непредоставления ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда; приостановления и запрещения проведения работ органами, уполномоченными на осуществление контроля (надзора), работнику до устранения нарушений или до создания нового рабочего места должна быть предоставлена другая работа, соответствующая его квалификации, либо, с его согласия, работа с оплатой не ниже среднего заработка по прежней работе на срок до одного месяца. При необходимости наниматель обязан обеспечить направление работника на переподготовку, профессиональную подготовку с сохранением на период получения образования среднего заработка.

Между тем, уголовно-исполнительное законодательство прямо не предусматривает возможности отказаться от работы в перечисленных случаях, более того, предусматривает ответственность за отказ от работы.

ИК-14, ФОТО SB.BY

Сведения о производственных и финансовых достижениях предприятий, которые созданы на базе исправительных учреждений и ЛТП, опровергают расхожее мнение о том, что государство содержит за свой счет заключенных: государственная газета «Советская Белоруссия» рассказывает о РУП «Четырнадцать»: «Это предприятие одно из самых успешных в системе исправления. Находится в ИК № 14 — учреждении строгого режима. 1.200 осужденных здесь в три смены производят в месяц продукцию на 10,5 млрд. рублей! Руководство колонии говорит, что это не предел. В прошлом году, когда экономическая ситуация была чуть более благоприятной, объемы доходили до 20 млрд. МАЗ, БелАЗ, Минский тракторный завод, Сморгонский агрегатный завод, Мозырский машиностроительный завод, минские заводы колесных тягачей и моторный, «Могилевтрансмаш» и многие другие присылают предприятию заявки на производство определенной продукции. Через месяц на склады заводов из колонии поступают готовые колодки, тормозные цилиндры, радиаторы, теплообменники и глушители». Основной заказчик ИК — БелАЗ. Ему отгружается около 40% продукции. Для них делаем радиаторы, тормозные колодки. Недавно предприятие освоило выпуск топливных баков для МТЗ. «Опытные партии уже поступили на завод, получили одобрение, и теперь на руках у руководства контракт на 1.000 штук комплектующих для новых изделий».

Вот как описывает журналист этой газеты сложившиеся порядки на производстве колонии: «До момента, когда они займут свои места за станками, осталось полчаса. Кое–кто, не успев выполнить норму во время своей смены, и теперь не отрывается от работы. То тут, то там вспыхивают огни сварки. Внезапно сзади слышу звон металла о каменный пол. Оборачиваюсь. За моей спиной выросла кованая конструкция. «Вот так выглядят наши мангалы. Успех у них колоссальный! Мы в месяц производим около 300 штук, очередь на них на месяц вперед», — с гордостью рассказывает (начальник цеха) Шедко. Позади него полукругом стоят осужденные, переговариваясь и улыбаясь: «Не, Михалыч, больше 300 штук в месяц мы не потянем». Но у Михалыча свои задачи. Колония сегодня вышла на самоокупаемость, но можно и сильнее развернуться».

Заработки заключенных различные, но «администрация колонии уверена: главное для осужденного — не зарплата, а так называемый лечебный эффект трудотерапии. Когда руки и голова заняты нужным и полезным делом, не лезут дурные мысли, некогда думать о том, как обмануть, обхитрить или одурачить».

Еще один материал эта же газета подготовила на основе интервью с главным инженером ДИН Юрием Лавриенко. Ю.Лавриненко отметил: «Сегодня в уголовно–исполнительной системе МВД работают 14 предприятий, 3 филиала и 10 внебюджетных производственных мастерских, имеющих собственную производственную базу. Основными направлениями их деятельности стали дерево и металлообработка, а также швейное производство. Только деревообрабатывающие предприятия производят более 830 наименований продукции! Гостиные и спальные гарнитуры, диваны и кресла–кровати, наборы для кухни, офисная мебель и многое другое. Металлообрабатывающие предприятия специализируются на выпуске запчастей для автомобильной и сельскохозяйственной техники, а также металлических конструкций. Швейное и обувное производство осуществляет выпуск более 250 наименований. Сегодня мы можем изготовить практически любую деталь из металла, дерева, готовы рассмотреть разные формы взаимовыгодного сотрудничества. В первом квартале 2015 года оборот нашей продукции в действующих ценах уже составил 165 млрд. рублей».

«Сегодня все наши предприятия, не колонии, а именно республиканские унитарные предприятия, находятся на самоокупаемости. У каждого РУП есть штат, в состав которого входят технические службы, бухгалтеры, экономисты, юристы, маркетологи и многие другие. По сути, мы такие же предприятия, как БелАЗ, МАЗ и так далее. Вот только рабочие — это осужденные. Однако условия работы у нас иные. Мы не можем регулировать численность исходя из потребности, как на обычном предприятии: набирать столько специалистов, сколько в данный момент необходимо заводу или фабрике. Мы должны обеспечить работой всех осужденных, которые прибыли отбывать наказание. Включая и тех, кто и вовсе не имеет образования. Для этих целей созданы участки низкоквалифицированного труда, где сортируют и разделывают лом цветных металлов, автомобильные шины, разбирают противогазы и т.д. Хотелось бы отметить, что эти работы экономически невыгодны для предприятия и их объем с каждым годом все меньше с учетом замены ручного труда на автоматизированный».

«Нужно понимать, что зарплата осужденного тратится не только на погашение задолженности. Из этой суммы он также оплачивает свое проживание в колонии и другие статьи расходов, связанные с пребыванием в местах лишения свободы. ... Если

осужденный–сварщик делает баки для БелАЗов или глушитель для МТЗ, у него есть клеймо сварщика и он получает зарплату 4 млн., 2 из которых тратит на погашение долга, 1 — на содержание и еще 1 остается на «ларек» — это одно дело. Другое — низкооплачиваемые виды производства, где средняя зарплата гораздо ниже».

29 мая 2015 года начальник отдела по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Ю.Горошко сообщил на брифинге в пресс-центре БелТА, что средний заработок осужденных в исправительных колониях составляет около 800 000 рублей, в учреждениях открытого типа – 3 800 000 рублей. По его сведениям, лимит наполняемости колоний – 29 210 человек.

Всего в местах лишения свободы содержалось на тот момент, по сведениям из ДИН, немногим более 23 000 осужденных

Продукция, произведенная заключенными, поставляется и за пределы Беларуси: «Вообще, поставляем свою продукцию практически везде. К примеру, в Китай и Францию продаем мебель, сделанную под старину, в Великобританию — деревянные колья. Это один из новых видов продукции. Колья, выполненные в виде двухметрового карандаша, служат для ограждения пастбища для животных».

Дело А. Князькова

В январе 2011 года осужденный Андрей Князьков получил травму на производстве в Могилевской колонии, где отбывал наказание в виде лишения свободы. При работе на токарном станке вылетела тяжеловесная деталь, которая попала в голову осужденному. Врачи Могилевской городской больницы диагностировали открытую черепно-мозговую травму - вдавленный перелом лобной кости со смещением обломков, ушиб головного мозга.

После этого он несколько лет добивался права на материальную компенсацию. За год до освобождения он обратился в Правозащитный центр “Весна”, описал свою ситуацию и на протяжение этого времени получает юридическую поддержку.

Спустя почти 5 лет суд все-таки состоялся, хоть только частично удовлетворил исковые требования.

Сейчас Андрей Князьков больше месяца находится на свободе, где продолжает отстаивать свои права, и лично смог рассказать свою историю.

О производственной травме в колонии

«Мы работали в цеху по металлообработке, делали детали для Могилевского автомобильного завода. У нас собрался нормальный коллектив на производстве, появился хороший заказ, мы выполняли его где-то полтора года. Потом администрации захотелось расширить это производство к новому году, она привезла новое оборудование, новые детали под новый заказ. Но получилось так, что под новое оборудование не было станков и соответствующих приспособлений. Администрация привезла токарный станок, но неподходящего класса, которые был переделан уже в ремонтной бригаде самой колонии, где станок подогнали под нужные размеры.

Однако, переделанное приспособление развалилось один раз, потом второй раз. Я говорил мастеру бригады, что невозможно работать на таком оборудовании, но он оставил вопрос без внимания. Когда в третий раз станок развалился, из него выскочила деталь, которая ударила мне по голове, я отлетел на несколько метров, было много крови. Случай произошел в ночную смену, мне помогли и сразу отвели в санчасть. После этого меня отвезли в больницу, где прооперировали, а затем вернули в санчасть колонии.

За время, пока я находился в санчасти, ко мне приходил инспектор, который сказал, что это производственная травма с тяжелым исходом, обещал, что в составе комиссии будет проводиться проверка. Я не представляю, как проходила проверка, что именно делалось, так как в это время лежал в больнице. Потом инспектор приходил второй раз, снова задавал вопросы.

В итоге под мои предыдущие ответы они подстроили то, что им было нужно, задали дополнительные наводящие вопросы и ушли. При этом мне не сказали, что я имею право принимать участие в проведении проверки. Об этом я уже узнал позже, когда начал знакомиться с материалами проверки.

Позже ребята, с которыми я работал, рассказали, что сразу после случившегося, оборудование в срочном порядке вернули на завод, там сказали, что из шести скрепляющих болтов остались только два, у всех остальных была сорвана резьба, и из-за этого произошло разрушение, и, следовательно, моя травма. А также сам станок был установлен с нарушениями.

Под четким руководством администрации колонии и главного инспектора в наш цех привели бригаду ремонтников, сказали, что необходимо устранить следующие недочеты: установить станок на подушки, сварить защиту, которая должна была быть изначально на этом станке установлена, сделать новые фотографии. Но сразу после несчастного случая делал фотографии оперативный работник. И в итоге в материалы дела на титульную фотографию поставили ту, которую сделали после, где были устранены недочеты, а в сам фотоальбом - те фотографии, которые были сделаны сразу. На них видно, что там нет ни защиты, нет определяющей работу информации, т.е. грубейшие нарушения, с которыми за 15 дней этот станок был введен в эксплуатацию.

Меня с материалами проверки не ознакомили, и я начал пытаться писать жалобы, хотя до этого не имел представления о том, как это делать. В колонии необходимую информацию можно получить через заявление, но только в том случае, если ты знаешь, какой именно документ тебе необходим. Изучив документы, я затребовал заключение по проверке, которое смог получить почти через 8 месяцев после травмы.

Но что-то обжаловать можно, когда тебя слушают, а когда тебя игнорируют – приходят отписки.

В результате производственная травма была установлена, меня не стали делать виновным, потому что не хватило наглости, но они не стали устанавливать чью-либо вину в произошедшем вообще.

Суд состоялся 7 декабря, за один день до моего освобождения, хотя я обращался с ходатайством о переносе даты суда на более поздний срок, чтобы присутствовать на

заседании. Видимо, они проигнорировали мою просьбу и даже не уведомили меня об этом.

Решение суда было в мою пользу, но мои исковые требования – компенсация морального вреда в 200 000 000 белорусских рублей – удовлетворены были не полностью. Сумму по решению суда сократили до 40 000 000. Теперь я планирую подавать кассационную жалобу, хотя и здесь наниматель уже опередил меня и заказал для ознакомления мотивировочную часть, т.к. посчитал затребованную сумму слишком высокой и решил опротестовать решение суда.

В своей кассационной жалобе наниматель "Исправительная колония №2 г. Бобруйска" указывает, что якобы я не соблюдал инструкцию по охране труда и именно это стало причиной травмы. А также просит суд учитывать мою неоднократную судимость, характеристику с места отбывания наказания, где утверждается, что я не стал на путь исправления, и уменьшить взыскиваемую сумму с 40 000 000 на 10 000 000 белорусских рублей».

О зарплате и начислении пенсии

«Раньше в заключении выходить на работу можно было по желанию. Можно было выходить на часа два под предлогом благоустройства территории колонии. И часто заключенные шли работать добровольно, потому что если нет помощи из вне, то прожить очень тяжело. Теперь же всех осужденных в колонии переводят на 8-часовой рабочий день в принудительном порядке.

На момент работы в цеху металлообработки в 2011 году я получал около ста тысяч белорусских рулей на руки. Но другие заключенные получали по 20-30 тысяч, а то и меньше.

После травмы мне дали 3-ю группу инвалидности с ограничениями по работе. Здесь мне помог начмед, который выдал заключение о годности к неполному трудовому дню. Еще два года я работал в швейном цеху.

Мне сразу не хватало стажа для оформления пенсии. Когда я подал документы на пенсию, оказалось, что почти из 5 лет работы у меня вышло всего лишь 4 месяца стажа. Оказывается, что по пенсионному законодательству, трудовой стаж насчитывается в зависимости от минимальной заработной платы. Т.е. как только человек зарабатывает минимальную заработную плату – ему засчитывается один месяц трудового стажа. Самое смешное, что люди в колониях этого даже не знают, и когда им начинаешь рассказывать – они не верят.

В сентябре я настоял, чтобы мне оформили социальную пенсию, которая в местах лишения свободы не выплачивается. Администрация ходила-кричала, что ничего получать я не буду, хотели, чтобы я отказался от заявления. Социальную пенсию все же назначили в сентябре 2014 года.

Позже мне удалось собрать все документы, отправить их и спустя год, в марте 2015 года я смог им доказать, что мне положена трудовая пенсия. Мне ее назначили и предложили обратиться за перерасчетом, поскольку ранее мне была оформлена социальная пенсия. Я обратился за таким перерасчетом, но так его и не получил. Мне просто начали платить

пенсию с марта. Тогда я очень сильно огорчился, собрал все документы и направил их Могилевский облисполком, который вместе с Департаментом исполнения наказаний провел проверку и установил, что колония виновата в том, что мне не назначили пенсию вовремя и она несет материальную ответственность. И я могу обратиться к ним с претензией, и потом в суд. Сейчас я жду реакции от администрации колонии, но отступать не планирую».

Об освобождении и ресоциализации

Когда я находился в колонии мне положено было 3 посылки в год и дополнительно – одна вещевая. И еще одна вещевая посылка - за месяц до освобождения. Об этом я прочитал в Уголовно-исполнительном кодексе. Я собирал деньги с пенсии и перевел их знакомому, который купил мне вещи к освобождению. Но знакомый выслал посылку раньше, чем предполагалось. Чтобы получить ее, я написал соответствующее заявление, предупредил начальника отряда и попросил его позвонить на посылочную станцию, чтобы предупредить, что мне придут вещи на освобождение. Когда он позвонил, посылку уже отправили обратно. Хотя я не получил за год ни одной посылки, мне все равно пришлось ехать в Минск в тюремной одежде.

После освобождения бывшим осужденным не оказывается почти никакой помощи. У меня нет регистрации, но все-таки достаточно быстро удалось заселиться в дом ночного пребывания для лиц без определенного места жительства. Хотя условия проживания там не самые лучшие, но выбирать не приходится. Сейчас я в процессе получения регистрации, только после этого смогу стать на учет в центре занятости населения.

Кроме всего прочего у меня возникли сложности с медицинским обслуживанием и скидкой на медикаменты. Невозможно ничего добиться без регистрации.

Кроме того, хочу отказаться от ограничений по работе, т.к. уверен, что с такими ограничениями по физическому здоровью ни один наниматель меня не возьмет. Но травма слишком серьезная, инвалидность снять не могут, а, следовательно, не снимут и ограничений на работу. Смогу ли найти работу – не знаю.

Раньше было сложно в материально плане, но сейчас еще труднее».

В данный момент Андрей Князьков подал кассационную жалобу на решение суда Октябрьского района г. Минска и ожидает повторного рассмотрения.

Никакой помощи от государственных органов в трудоустройстве он не получил: за время заключения он утратил регистрацию в г.Минске, сейчас временно зарегистрирован в Доме ночного пребывания, и, по мнению сотрудников Центра занятости, не может получать каких-то пособий и льгот при трудоустройстве.

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

7 июля 2015г. г. Могилев

Суд Ленинского района г. Могилева в составе председательствующего Юрченко Андрея Александровича, при секретаре Вальчук Галине Ивановне, рассмотрел в открытом судебном заседании заявление Князькова Андрея Анатольевича об отмене судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам.

УСТАНОВИЛ

Решением суда Ленинского района г. Могилева от 31 января 2012г., вступившем в законную силу Князькову Андрею Анатольевичу было отказано в восстановлении срока для обращения в суд с жалобой, а также в удовлетворении его жалобы на заключение главного инспектора Могилевского областного управления Департамента государственной инспекции труда от 27.01.2011.

В заявлении Князьков А.А. просит отменить указанное решение по вновь открывшимся обстоятельствам, указывая на то, что в судебном заседании от 31 января 2012г. не была дана оценка тем обстоятельствам, что обжалование заключения главного инспектора Могилевского областного управления Департамента государственной инспекции труда от 27.01.2011 было начато им в июле 2011 года путем неоднократных обращений в Департамент государственной инспекции труда, а затем 29.09.2011 в суд Октябрьского района г. Могилева, однако в возбуждении производства по делу по его жалобе было отказано в связи с неподсудностью.

Вышеуказанное существенное для дела обстоятельство не было известно заявителю на день вынесения решения суда от 31 января 2012г.

Изучив материалы дела, суд приходит к выводу, что заявленное требование подлежит удовлетворению.

Руководствуясь ст.ст. 452-457 ГПК Беларуси суд

О П Р Е Д Е Л И Л :

Удовлетворить заявление Князькова Андрея Анатольевича об отмене судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам.

Отменить решение суда Ленинского района г. Могилева от 31 января 2012г. по жалобе Князькова Андрея Анатольевича на заключение главного инспектора Могилевского областного управления Департамента государственной инспекции труда.

Определение обжалованию и опротестованию в кассационном порядке

Судья: подпись

Верно

Судья суда

Ленинского района г. Могилева Д.А. Акуленко

«____»_________20___